

18+

Ольга Хомич-Журавлёва

ЖАТВА

Ольга Хомич-Журавлёва

**Жатва. Сборник
повестей и рассказов**

«Издательские решения»

Хомич-Журавлёва О.

Жатва. Сборник повестей и рассказов / О. Хомич-Журавлёва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531360-7

Сборник произведений, ранее опубликованных отдельными книгами. В книгу вошли повести и рассказы разных жанров — мистика, фантастика, социальная драма. «Деликатес» откроет для героев мрачную тайну фермы «Мидгард». Какими последствиями обернётся нападение инопланетян на Землю, поведаёт «Вторжение». В «Фотографии» женщина встречает Торговца мечтами. Героини произведений «Присказка» и «Поверните направо», в буквальном смысле с головой окунутся в сказочный мир. В повести «Жатва» однажды утром не встаёт солнце и начинается апокалипсис.

ISBN 978-5-00-531360-7

© Хомич-Журавлёва О.
© Издательские решения

Содержание

ПОВЕСТИ	7
ДЕЛИКАТЕС	7
Глава первая. Давний друг	7
Глава вторая. Харлей-Харитон	9
Глава третья. Больница	12
Глава четвёртая. Наркоз	13
Глава пятая. Сияющее	18
ВТОРЖЕНИЕ	24
Глава 1. Макс	24
Глава 2. Парк	25
Глава 3. Потому, что в стене есть дверца	28
Глава 4. Автокатастрофа	33
Глава 5. Возвращение	34
Глава 6. Необъяснимое	37
ФОТОГРАФИЯ	41
ЧАСТЬ 1. ТОРГОВЕЦ МЕЧТАМИ	41
Глава 1. Необыкновенный подарок	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Жатва

Сборник повестей и рассказов

Ольга Хомич-Журавлёва

© Ольга Хомич-Журавлёва, 2021

ISBN 978-5-0053-1360-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОВЕСТИ

ДЕЛИКАТЕС фантастическая повесть

Глава первая. Давний друг

Интерьер кафе был вполне приличным: мягкие, угловатые диваны, обитые молочным флоком, нежили тело, уставшее от дальней поездки на жёсткой полке купе поезда дальнего следования. Равнодушные официантки не досаждали. Приятным сюрпризом в кафе оказался бесплатный WiFi и неожиданно вкусный «американо».

Аромат кофе, замысловатое и в меру сладкое пирожное, успокаивающая, не навязчивая музыка – Ильмера просто млела от наслаждения. К тому же, из-за недавних неприятностей и долгого мотания в поезде она сильно постройнела, и теперь изящная тридцати девятилетняя девушка ощущала себя свободной, беззаботной студенткой. Правда, в студенчестве она не могла себе позволить ни такого дорогого кафе, ни навороченного планшетника и ему подобных гаджетов, которые теперь врассыпную лежали в её необъятной сумке. А если ещё учесть, что она только что вышла из дорогущего салона красоты, где привела себя наконец-то в порядок...

Что ещё для счастья надо?

Наманикюренный пальчик водил по экрану сенсорного планшетника. Бесцельно просматривая страницы социальных сетей, она увидела живописное фото – белый песок, пальмы, лазурное море и бездонное чистое небо – подпись гласила «Побережье Гоа»...

Ильмера мечтательно посмотрела в витражное окно, где высоко над многоэтажными бетонными джунглями хмурилась серая масса беспросветных облаков...

– Ирриш, привет! – молодая дама вздрогнула, оторвавшись от разглядывания неба. – Давно ждёшь?

На диван напротив Ильмеры плюхнулся молодящийся мужчина, одетый роскошно-небрежно – однокурсник Семён Туманов, который теперь был известен под псевдонимом Афанасия Пятницкого, известного фельетониста, ведущего свою еженедельную колонку в пятничном выпуске популярной областной газеты. Картинно откинув назад короткие выющиеся русые волосы, и бросив небрежно на спинку соседнего дивана бежевое шевиотовое пальто, оставшись в лёгком бежевом пиджаке и бежевых джинсах в облипочку, расплывшись в прямо таки лучезарной улыбке, Семён вопрошающе уставился на Ильмеру, заставив её на секунду смутиться.

– Да нет, не так долго – вот, ещё кофе выпить не успела. Привет, привет, Сёма, ты пунктуален как всегда. О, да ты сбрил свою бородку?

– Це ж мовитон – у меня теперь такой стиль. Все бороды отпускают, должен же я чем-то отличаться от толпы?

Только что скучавшие официантки оживились, наперебой шепча что-то друг другу, кокетливо поглядывая в сторону их столика – видно было, что девушки узнали Семёна и одна

из них с, насколько это было ей под силу, обворожительной улыбкой, принесла меню, раскрыла перед ним позолоченные корочки и уставилась обожающим взглядом на своего кумира.

Видно было, что Семён привык к подобной реакции окружающих – его часто приглашали на телевидение, где он мелькал в субботне-воскресных развлекательных передачах, которые впоследствии собирали сотни тысяч просмотров на ютубе.

Он величественно махнул рукой в знак отказа и произнёс:

– Коньяку и сигару!

Ильмера, еле сдерживая смех, уставилась на официантку, которая заморгав глазками, пролепетала:

– Афанасий Гордеевич, у нас не курят, простите. И спиртное тоже только после двух.

Семён картинно обратил взор на Ильмеру:

– Вот, Ильмера Богдановна, дожили мы до светлых дней – не бухнуть, ни покурить красиво, – и обратился к улыбающейся официантке, – ирландский кофе и жвачку, любезная. Счастливая официантка быстро унеслась выполнять заказ, попутно рассказывая своим коллегам о новой выходке обожаемого «клоуна».

Ильмера, подавив смех, спросила:

– Шут гороховый. Тебе не в журналистику, а в театральную надо было. И потом – когда это ты курить начал? Да ведь и коньяк ты, помнится – не очень...

– А красиво «понтануть»? Эх, ничего ты, Ириш, не понимаешь!

– Куда уж мне. Да... каким ты был, таким ты и остался.

Семён уставился на Ильмеру:

– Да и ты не изменилась – всё такая же красавица-зануда. Как там столица?

– Цветёт и пахнет, – в тон ему ответила Ильмера.

– Жиреет, значит?

– Я бы сказала – множится и расширяется.

– Надолго к нам в глубинку?

– Похоже, теперь надолго, – Ильмера вздохнула и, откинувшись на спинку дивана, допила остывший кофе.

– Что же так? – с деланным удивлением спросил студенческий друг, картинно приподняв бровь.

– Не спрашивай. Так вышло... Потом как-нибудь расскажу.

– Ну да, ну да... Я слышал, ты ещё журналистикой занимаешься?

– Зам редактора была... – Ильмера вздохнула, – на том и погорела.

Семён хмыкнул. Ткнул пальцем в планшетник:

– Что показывают?

– Да так, – Ильмера показала ему фото. – Побережье Гоа, – усмехнулась. – А помнишь, как ты на выпускном целовал всех однокурсниц подряд и орал: «Поехали на Гоа!» – ну и ржачно было.

– Да, роскошное время было. Весь мир казался у моих ног... А теперь я в этой дыре, – усмехнулся, – местная знаменитость.

– Ну, уж не такая это и дыра – один из крупнейших областных центров миллионников.

– Но и не столица.

– Сем, далась она тебе? Везде люди живут. Я вон, двадцать лет на издательство отпахала, а меня пинком...

Девушка почувствовала, как в горле застрял комок. Слёз уже не было – одна досада оттого, что Ильмера всю душу вложила в инновационные проекты неблагодарного издательства. А в результате...

Семён подозвал официантку и попросил бокал воды. Ильмера, сделав несколько глотков, уставилась на хрустальный бокал, вода пальчиком по его краям.

Семён дотронулся до руки задумавшейся подруги:

– Ириш, я ведь и сам всё знаю, что там у тебя случилось. – Она удивлённо посмотрела на Семёна, резко сбросившего шутовскую «маску». Тон друга стал внезапно серьёзно печальным. – Я отслеживал судьбу всех однокурсников – благо теперь есть всемирная паутина. Знаю, что ты была замужем и зам редактора. А некоторое время назад Расколова, помнишь, выскочка была, на курс нас старше, написала, что одна дурочка наехала на депутата одного подмосковного городка, обвинив его в коррупции, да ещё где-то документы раздобыла. Сказать – кто эта дурочка неразумная?

– Не надо.

– Ну, не от большого же ума ты это сделала? Надоело в уютном кабинете сидеть и нехилые деньги получать? Ира, ты что, наивная девочка? Коррупция – закон жизни! Вот я – гноблю потихоньку этих уродов, под маской эстетствующего шута, а они меня снисходительно по плечу треплют, мол, что с клоуна возьмёшь. Зато народ – он всё понимает, что я хотел сказать. А ты – сразу в лоб!

Ильмера, зажав губу, отвернулась к окну, за которым с почти беззвучным шелестом падал дождь. Затем повернулась и, глядя в глаза другу медленно, с металлическими нотками в голосе произнесла:

– Знаешь, я такого насмотрелась за прошлые годы, что тошно стало от беззакония и цинизма. Вот и решила, что хоть одну гниду выведу на чистую воду.

– Ну и что, вывела?

– Теперь понимаю – не так надо было, а сразу в прокуратуру...

Семён с досады стукнул по столу:

– Как хорошо, что эта «светлая» мысль тогда не пришла тебе в голову! Иначе бы сейчас не здесь со мной сидела, да кофеёк с пирожным уминала, а за решёткой. По статье – за клевету. И это в лучшем случае, если бы жива осталась... – помолчали. – Ир, ведь ты так хорошо начинала – одна из немногих после журфака зацепилась в московском издательстве. И – на тебе...

Ильмера насупилась:

– Ты кто такой мне, чтобы нотации читать?! Клоун фельетонист. Иди ты знаешь, куда! Я думала, что ты мой друг... – Она вскочила.

– Стоп! Беру все свои слова обратно. И хватит психовать.. С нуля, значит, всё решила начать?

Девушка кивнула.

– Ой ты, горе моё луковое. Ладно, поехали ко мне. А там что-нибудь придумаем.

– Да я в гостинице уже остановилась.

– Обидеть меня хочешь? Возражения не принимаются! Ко мне, значит ко мне!

Глава вторая. Харлей-Харитон

Прошёл год после позорного бегства из столицы, где на Ильмеру всё же завели дело, но, не найдя доказательств состава преступления, дело закрыли, и неприятная история начала забываться как страшный сон.

Семён, как и обещал, помог устроиться подруге в местную областную газету, где ей выделили собственный кабинет, а так же служебную квартиру на окраине города – не у каждого же сотрудника имеется на руках красный диплом журфака МГУ и опыт работы в столичном издательстве.

Как только Ильмера обжилась в отреставрированной двухкомнатной «хрущёвке», заявился Семён, приведя за собой на поводке массивного лабрадора светло-бежевого окраса.

– Ира, вот, держи, владей – это новый друг Харлей.

– Ты с ума сошёл! Что я с этим мотоциклом буду делать? Его же кормить надо, выгуливать!

– Ириш. Не спорь. Хозяева собаки уехали в Сирию – делать военные репортажи, а мне его из Питера прислали – присматривать. Но я парень ненадёжный, дома часто не бываю. Да и девушки ко мне иногда нахаживают – не все собак любят. А ты одинокая...

– Ну, ты наглец, – не зло покачала головой Ильмера. – Ладно, давай свою псину, – девушка присела перед псом, заглянув в растерянные глаза лабрадора, – Теперь ты будешь жить у меня, пока твои хозяева не вернуться, – глаза собаки наполнились слезами и её морда ткнулась в правое плечо девушки, – только что у тебя за дурацкое имя – Харлей? нарекаю тебя Харитоном.

Собака моргнула и завиляла хвостом.

Больше Ильмера не чувствовала себя одинокой. Работа, забота об умной псине занимали теперь всё её свободное время. Так уж получилось, что семьи у Ильмеры давно не было. Ну, не сложилось. Сначала учёба, затем работа, в которую она окунулась с головой, неудачное замужество, которое погубили бесконечные командировки и её успешный подъём по карьерной лестнице, до одури бесившие бывшего благоверного...

Казалось, столичный круговорот безумно важных дел будет незыблемым и вечным, как восхождение на бесконечную гору.

В конце концов, она обрела стойкую уверенность, что со своим авторитетом и значимостью в журналистских кругах, где слыла разоблачительницей неприглядностей окружающей действительности, она вполне уже может критиковать власть предрежащих. Но оказалось, что табу распространяется и на неё...

И всё же, Ильмера вспоминала прошлое без ностальгии. Теперь, по прошествии времени, она даже благодарит судьбу за тот неразумный порыв – написать обличительную статью, ведь именно из-за опасного просчёта она выпала из бурного потока действий в замкнутом кругу.

Здесь, в N-ске, она не только начала новую жизнь, обзавелась другом и добродушным лабрадором, а так же скучной работой корректора, где она чётко выполняла свои обязанности от и до, без самодеятельности, что позволило ей отключиться от чужих проблем и сосредоточиться на главном.

Когда-то давно Ильмера начала писать роман о путешественнике по таинственным заброшенным городам древней Индии. Но были написаны только несколько глав – сказывался столичный цейтнот. Теперь же у новоявленной писательницы было вполне достаточно времени, чтобы продолжить работу над романом.

В свободное время девушка начала посещать спортивную секцию по стрельбе из лука. Это было давнее увлечение Ильмеры. Что-то ощущалось первобытное, пришедшее из глубин времени от пращуров – умение выпускать стрелы точно в цель. Она даже когда-то была мастером спорта. Но любовь к журналистике победила в ней амазонку. Или только отступила на время? В своей новой жизни девушка два раза в неделю упражнялась на полигоне, показывая великолепные результаты, под одобрительное погавкивание Харлея-Харитона.

Словом, только теперь Ильмера почувствовала, что начала жить. Не существовать в предлагаемых обстоятельствах, а именно жить.

Семён всё так же работал в областной газете. Ну, как работал – раз в неделю приносил флешку с сатирическими стихами в редакцию и со словами – «А теперь смейтесь и плачьте», – удалялся. И два раза в месяц лично заявлялся – за гонораром.

Иногда Ильмера приходила в гости к другу, спасая Семёна от участвовавших запоев, и оставляла ему Харитона, у которого неожиданно выявился дар – пёс безошибочно находил любое крепкое спиртное, хватал зубами, каким-то чудом открывал балконную дверь и сбрасывал бутылки вниз, на железный заборчик, предусмотрительно убедившись, что внизу никого нет. Подобные поступки лабрадора сначала приводили Семёна в ярость. Но, отвесив подзатыльник псу, наткнувшись на его укоризненный взгляд, Семён садился рядом и, обхватив шею Харлея-Харитона, цитировал ему свои лирические стихи, которые никогда и никому не показывал:

Милая, не печалься,
Не задавай вопросов!
В жизни порой не просто
Двигаться в ритме вальса.

Знаешь, как это страшно
Быть увлечённой вихрем,
Жертвовать в танце лихо,
Будущим и вчерашним...

И зацепив ботинок,
Можно споткнуться всуе.
Лишь тот, кто не рискует —
Не совершит ошибок...

Пёс заглядывал в глаза неудавшегося поэта пьяницы и слизывал его тёплые слёзы со щёки...

После работы Ильмера забирала Харлея-Харитона. Окрылённый своим гением во время общения с псом, Семён картинно с ним прощался :

– Чтож, Харитон Подзатыльников – иди, иди, возвращайся в свою скучную жизнь. Но в следующий раз я расскажу тебе такое...

Ильмера оживлялась:

– Какое такое? Я тоже хочу услышать!

– Нет, Ирочка, только Харитон Подзатыльников поймёт – о чём плачет душа поэта! Только он, эта чистая душа, не замузнённая вселенским сором зла и равнодушия!

– Ну, ну, куда уж мне, – девушка смеялась, принимая участие в пьяной комедии друга.

Парадоксально, но Ильмера заметила, что после общения с лабрадором, Семён стал меньше пить и постепенно перешёл на лёгкие баночные вина. Хотя, она подозревала, что чудо произошло только потому, что банки не бьются, а только слегка плющатся, упав с небольшой высоты второго этажа. Мало того, к Семёну вернулось вдохновение, и он ежедневно одаривал подругу и лабрадора новой порцией весьма неплохих стихов.

Однажды случилось то, что, собственно однокурсники и ожидали с неловким трепетом во время встреч, которые их всё более и более сближали.

Как-то, проснувшись в ворохе незнакомых роскошных чёрных шёлков, Ильмера с трудом вспомнила, как накануне праздновала своё сорокалетие. Сначала они вдвоём сидели в ресторане, затем отправились к Семёну, где девушка долго рыдала на плече друга, проклиная своё беспросветное одиночество.

Так, значит дружба закончилась постелью, банально-то как. Она повернула голову в сторону витражного окна, в проёме которого стояли две фигуры. Увидев, что Ильмера проснулась, Харитон деликатно гавкнул, а Семён, протягивая подруге изящную чашку из белого фарфора с золотой каёмочкой, наполненную чёрным кофе, произнёс скорее псу, чем Ильмере:

– Это ничего не значит. И мы не вместе. Она вчера так рыдала, так рыдала, уверяя, что совсем одна и её никто не любит. Но смею уверить, подобное утверждение – категорически абсолютная неправда. Что мне оставалось делать, чтобы разубедить девушку в ошибочности её воплей? Правильно мыслишь – я как друг, просто обязан был помочь. Логично?

– Гав, – ответил пёс, переминаясь с лапы на лапу.

– Я тоже так считаю. И смею вас уверить, Харитон Подзатыльников, что подобное больше не повторится.

Пёс глубоко вздохнул, подошёл к постели и положил свою умную морду на прикрытые шёлком колени Ильмеры.

Да. Он всё понимал. Лабрадор прекрасно знал, что такое одиночество.

Глава третья. Больница

Время шло. После неожиданного финала празднования дня рождения Ильмеры, Семён перестал выпивать и спать со студентками. Мало того, популярность Семёна неожиданно поползла в гору, и его пригласили на телевидение вести пятничную юмористическую программу «Смеховстреча», где он весьма элегантно обсмеивал знаменитых приглашённых гостей, да так, что те сами смеялись над собой. Уже раздавались звонки продюсеров московского телевидения, с приглашениями вести подобную передачу в столице. Семён отшучивался и тянул время. Попутно вышел из печати сборник лирики Семёна Туманова «Силуэт в тумане», который тут же стал бестселлером, и Семёна начали настойчиво приглашать в Союз писателей.

На фоне оглушительного успеха студенческого друга, у Ильмеры в жизни всё было по-прежнему. Разве что иногда, поддавшись тоске, она приходила к Семёну, который как настоящий друг утешал её. И дело как-то неожиданно всегда заканчивалось постелью с нежнейшими чёрными шелками – и где он их только покупал? – Ильмера всё забывала спросить...

Близилось лето, и они с Семёном планировали совместить отпуска, чтобы съездить отдохнуть на юг. Куда – ещё не решили. Но в районе февраля Ильмера почувствовала, что с ней что-то не так. Надеясь, что это беременность, девушка понеслась в поликлинику. Но посещение врача повергло её в шок. Быстро прогрессирующая миома стремительно заполняла её тело.

Конечно же, Ильмера ринулась сдавать всякие анализы, пробы и Бог знает ещё что. Семён устроил её в платный диагностический онкологический центр. Но даже за короткий срок опухоль увеличилась до такой степени, что журналистку принимали за беременную, и не мудрено – опухоль внутри, разрастаясь, шевелилась, словно живое существо из фильма ужасов.

Перед операцией в палату зашёл угрюмый Семён в голубых бахилах и смешном бумажном халате, словно сделанном из промокашки. Только что анестезиолог поведал ему, что у Иль-

меры редкая непереносимость анестезии, и что могут начаться проблемы – как во время операции, так и после. Разумеется, от подруги решено было держать подобную новость в тайне. Сев рядом с кроватью, Семён взял в ладони ледяную руку девушки:

– А я так надеялся, что это будет наш с тобой ребёнок.

Ильмера заплакала. Теперь она плакала всегда. Что за жизнь корявая ей досталась? Так хорошо начиналось – и юность и карьера, даже это изгнание, где она обрела неожиданное счастье. Неужели всё закончится здесь, в этой больнице – её жизнь, в которой она только-только начинала понимать, что такое – любить...

– Оперировать тебя будет сама заведующая, ассистировать – профессор из Москвы...

Помолчали, разглядывая капельницу – кап, кап, кап... драгоценное время утекало в вены вечности...

Перестав плакать, Ильмера улыбнулась и, вытерев слёзы, погладила волнистые русые волосы друга:

– А ведь ты мне в институте абсолютно не нравился. Таким фанфароном всегда выглядел, самовлюблённым гением. Эти твои шарфики шёлковые – задушить была готова – хорошо, что теперь не носишь. А однокурсницы все от тебя с ума сходили...

– Ты мне тоже не нравилась – зубрила... – улыбнулся Семён. – Вся правильная такая. Я тебя даже за девушку не воспринимал – прямо ходячий свод правил. Но знаешь, чем дальше, тем больше о тебе думал. Наверное, девушка такой и должна быть – самодостаточной и целеустремлённой.

– Ну и куда меня эта самодостаточность привела? Видишь... – задёргалась губа, глаза наполнились влагой.

– Подожди. Я должен сказать... перед этим... – он говорил медленно, словно подбирая нужные слова. – На выпускном, помнишь, пресловутую историю, когда я всех звал на Гоа – ну, дебил был – ты подошла ко мне и сказала: «Я поеду с тобой на Гоа – там притесняют индусов. Может, революцию замутим?» И всё, понял, что только о тебе и думаю. После института я всегда всё про тебя знал – как ты жила все эти годы, чем дышала. Мужа твоего видел – как ты вообще могла полюбить подобного сноба?.. Не удивился, что вы развелись... Так тогда обрадовался, что сразу рванул в Москву...

– А почему же мы не встретились?

– Свободу, дурак, потерять испугался... Я потом часто прилетал, заходил в твоё издательство, смотрел через стекло, как ты работаешь за компом – смешная такая... революционерка с хвостиком... Потом ругал себя на чём свет... Идиот, думал – и зачем я тебе нужен? А когда ты написала ту статью – знала бы, сколько подключил знакомых, чтобы замяли дело. Теперь ты представляешь, как я был ошарашен, когда ты позвонила. Ты. Позвонила. Именно. Мне. Не кому-то на курса, а именно мне...

– А кому ещё, Сем? Каждый раз в редакции, я пошевелиться не могла, когда краем глаза видела – как ты на меня смотришь... Детский сад... Дураки мы с тобой. И теперь – почти два года ломали комедию. Если бы не операция, так, наверное бы и состарились...

Поцелуй был долгим... долгим, и шум крови в висках стучал в унисон с каплями капельницы – тук, кап, тук, кап, тук...

Глава четвёртая. Наркоз

Небывало сильный, порывистый, почти ураганный ветер со свистом просачивался сквозь пластиковые окна в палату. Там, по другую сторону стекла, началось настоящее светопреставление. Едва наступивший рассвет резко сменился глубокими сумерками. В тёмных, низко опустившихся густых облаках, угрожающе затянувших небо, постоянно полыхали молнии,

но дождя всё не было. Кроны деревьев перед окнами нещадно трепало во все стороны, то и дело слышался угрожающий треск, и мимо окон временами пролетали оторванные ветви...

Ильмера натянула на ноги нелепые белые эластичные операционные чулки и сидела на кровати в ожидании операции. Семёна попросила не приходиться – ей невыносимо было видеть отчаяние любимого человека.

– Карелина! На выход!

Ильмера вздрогнула – ну вот, за ней и пришли. За дверями палаты стояли две одутловатые хамоватые санитарки, тут же засунувшие в халаты тысячные купюры, протянутые Ильмерой, а так же высокая каталка, которая доставила девушку на верхний этаж девятиэтажного диагностического центра. Длинный тёмно-зелёный коридор и множество дверей, за которыми одновременно проходило несколько десятков операций. Ильмере стало немного жутко – это сколько каждый день, каждый час операций по извлечению опухолей?! Там, за стенами больницы, она даже представить себе не могла подобных ужасающе-грандиозных масштабов болезни... А может быть в стране эпидемия, но о ней молчат?.. «Надо репортаж написать – рак наступает», — подал робкий голос в смятённом мозгу журналист.

Из дверей то и дело выскальзывал персонал и, с почти беззвучным шуршанием прошмыгнув мимо, исчезал – то в проёмах дверей, то в темноте коридора. Было ощущение, что люди просто растворялись в воздухе.

Ильмера смотрела в потолок, думая о разном – и о том, что операционный этаж гораздо выше остальных, хотя с улицы все этажи одинаковые, и что ремонт здесь не делали, пожалуй, со сталинских времён, а может и с дореволюционных, и о прошлом...

Вся её жизнь проносилась мимо – воспоминания обрывками вспыхивали и гасли, и отчего-то все они были безрадостными, словно ничего хорошего в её жизни и не было – все самые неудачные моменты жизни, словно с укоризной указывали ей – не успела, не сказала, не помогла, не смолчала, не... не... не...

Казалось, Ильмера лежала вечность в мрачном коридоре. Но вот ближайšie двери открылись, и каталка въехала в операционную, затем крепкие руки санитарок, словно неживой груз, переложили её на железные пластины операционного стола, резко пронзившие голое тело ледяным холодом металла. И даже простынёй не накрыли...

Ильмера ощутила, что она перестала быть человеком, которым была ещё секунду назад, там, за дверями.

Значит она теперь – просто мясо, лежащее на разделочной доске... Просто мясо...

Юркая, безликая медсестра крошечного роста сделала первый укол. Теперь мозг журналистки, попавшей в совершенно иной мир, с беспристрастностью исследователя констатировал каждую деталь происходящего. Он с изумлением отмечал, что стены и потолок зала... раздвинулись. Потолок стал высоченным прозрачным куполом, сквозь который было видно глубоко черное звёздное небо... но ведь сейчас день! Стены с громадными витражными окнами резко исказились, и теперь вместо гладкой поверхности они представляли собой грубо обработанные наросты – можно было подумать, что стены просто обляпали кусками глины, а затем покрасили зелёной краской.

Зашёл анестезиолог, сел в изголовье операционного стола, зажал голову Ильмеры металлическими зажимами. Кто-то в это время бесцеремонно пристегнул к столу её ноги, и, раскинув руки в стороны – на запястьях застегнул металлические же наручники.

«Распяли меня как на кресте... Почему так жестоко-то? Словно я заключённая в каземате».

Развернулась от соседнего столика с несколькими шприцами и медицинскими приборами медсестра – громадная, как гренадёр, сжала руку у локтя и одним выверенным движением с хрустом вогнала толстую иглу в запястье, выше наручников. Пошла по вене ледяная жидкость...

– Карелина, вы меня слышите? – равнодушный голос анестезиолога начал звучать словно издалека.

– Да, слышу.

– Посчитайте до восьми.

– Один, два, три... – язык онемел, прилип к нёбу, тело стало невесомым... и было ли оно вообще... Но Ильмера почему-то ещё слышала и видела всё, что происходит вокруг. Отчего-то воздух наполнился светом... как же ярко включили свет!

– Что это?! – вскочила с необыкновенной прытью громадная медсестра, – почему это животное светится?

Анестезиолог усмехнулся:

– Успокойтесь немедленно! Странно – вас разве не предупредили, что сегодняшний пациент – Сияющее?

– Предупредили... но я думала, что просто пошутили...

– Серьёзнее надо относиться к своим обязанностям – внимательнее читать задания...

– Простите, виновата. Я тут с чертовской текучкой себя не помню.

– Пошла вон, идиотка, – зло зашипел анестезиолог.

И тут Ильмера поняла, что она слышала не человеческий голос, а именно шипение, словно только что общались две змеи. Но она явно понимала речь, которая отчётливо звучала в мозгу...

Неожиданно окружающая действительность исказилась окончательно – словно с глаз спала пелена и проступила совершенно иная реальность.

Зал стал ещё огромнее, вместо привычной операционной лампы над ней висел ноздреватый полуржавый прожектор. А анестезиолог... над Ильмерой склонилось безобразное существо с кожей грязно-зелёного цвета, напоминающее рептилию, скрещенную с лемуром. Он, не мигая, смотрел на Ильмеру огромными жёлтыми змеиными глазами размером с куриное яйцо, но она не чувствовала страха – наоборот, Ильмера поняла, что он сам боится её – даже в беспомощном состоянии она была преисполнена решимости победить всех и вся... правда, ещё не знала – как.

– Существо, ты меня видишь и слышишь. Забавно. Никогда ещё я не видел Сияющих.

Краем глаз Ильмера увидела, как со щебетом-шипением в зал вбежали две девушки-рептилии – меньше, чем полтора метра ростом. Они замерли, глядя на сияние, которое исходило от тела девушки, распятой на операционном столе.

– Ух ты! – прошипели обе, попутно с глубоким поклоном распахивая обе створки массивных чёрных металлических дверей, которые ещё минуту назад виделись Ильмере обычным белым пластиком.

В зал буквально вплыла огромная туша рептилии под два метра ростом, маленькая плоская голова, крошечные глазки, необъятное тело почти полностью упаковано в серые пластины наподобие огромной чешуи, похожие на броню. На шее рептилии висел медальон, который Ильмере показался до боли знакомым. За бронированной рептилией семенили высокие тощие создания, напоминающие анестезиолога. «Скорее всего – это разные виды рептилий», – мелькнула мысль, пока Ильмера рассматривала жуткую процессию.

– Новая Императрица изволила посмотреть на Сияющее существо, – пояснила анестезиологу одна из карликовых рептилий.

Анестезиолог, или кто он был на самом деле, почтительно склонился перед громадной Императрицей, которая с высокомерием, смешанным с любопытством, подошла к операционному столу. Раскрыв зубастую пасть, рептилия прошипела:

– А что, Сияющие воплощаются в животных? Какой сюрприз. Что же это существо могло натворить, раз его заперли в животном низшей формы? Почему оно не испекло плоть твари? Да и как оно вообще просочилось на мою ферму? – Императрица грозно обернулась к свите, которая настолько низко склонила свои и без того кривые спины, что казалось – ещё немного и лягут плашмя на каменный пол.

– Простите, Верховная, но Сияющего внедрили ещё при прошлой Императрице, – подал робкий голос один из рептилоидов.

– Разберёмся, – снова устала на Ильмеру, которая отчётливо видела все подробности внешности рептилии. – Первый раз созерцаю поверженного врага – вот так, беспомощного, в отвратительно уродливом теле примата. Большого наслаждения я не испытывала – это всё равно, что выиграть в битве.

– Удовольствие ваше будет более полным, когда на вечернем пиру вам подадут деликатес из Сияющего, – не каждой Императрице выпадает подобная возможность, – с подострастием прошипел ближайший рептилоид. Карлицы радостно закивали.

Императрица продолжала, словно и не слышала реплики, немигая глядя на свет, исходящий от тела девушки:

– Какое завораживающее сияние... глаз не оторвать...

– Осторожнее, Императрица, их сияние способно разрушить вашу оболочку! И тогда ваша сущность раньше положенного срока удалится на пастбища Окхеды...

– ...как же хочется убить это существо – так же, как его соплеменники уничтожили мою колонию на Дагофе, воруя животных моей фермы, называя это освобождением... нет, тогда Сияющее вырвется на волю, а этого нельзя допустить... оно должно жить в плену... а я буду медленно пожирать священный деликатес...

– Ваше императорское величество, мудрость ваша всегда восхищает... Позвольте сказать, что есть вторая половина существа из галактики Сияющих.

Императрица метнула грозный взгляд в сторону говорящего в свите:

– Что?! И вы о ней молчали?

– Это самец, ваше императорское величество, правда, продукция из него менее ценна. Предыдущая императрица уже вкушала деликатес... Но вам достанется самое изысканное лакомство...

– А за самцом установлено наблюдение, Ваше императорское величество, – свита подострастно закивала.

– И где он?

– Обе половины Сияющего с недавнего времени всегда рядом.

Взгляд главенствующей Рептилии смягчился, и она в задумчивости прошипела:

– Так значит, это существо разделили. Ну, теперь всё понятно. Ах, хитрецы. Знать бы, что они задумали... Жаль, что нельзя посадить эту тварь в кварцевый конус и поставить в центре ритуального зала.

– Это так, – подал робкий голос анестезиолог, – длительное воздействие анестезии погубит тело и Сияющее вырвется на волю.

– Что ж, буду любоваться записями извлечения деликатеса, который отведаю за ужином. Жаль, что он не будет светиться. Но я читала в летописях, что он необыкновенно вкусен

и существенно продлевает срок жизни. Надеюсь, не забудете посадить в это существо новую клетку деликатеса для прорастания?

– Ваше императорское величество – мы профессионалы, лучшие в этой вселенной – ферма Мидгарда всегда приносит огромный урожай, во имя вашего процветания.

Свита, подобострастно кланяясь и шипя, удалилась вслед за уплывающей тушей Императрицы монстров.

Над Ильмерой склонилось несколько рептилий, проделывая какие-то манипуляции с её телом, перестав обращать на взгляд сияющей девушки, шипением комментируя извлечение опухоли. Ильмеру замутило, она закрыла глаза и погрузилась в глубокий сон.

Когда она проснулась – мир погрузился во тьму ночи. Вой ветра всё также крушил мир за окнами и сотрясал рамы, и в какой-то миг Ильмера даже подумала, что ей всё показалось – и не было никакой операции вовсе, а уж тем более чудовищной метаморфозы помещений, рептилоидов и... свечения собственного тела – приснится же такой бред...

Девушка открыла глаза. Она лежала в обычной больничной палате, мерно гудел кондиционер, где-то кашляли, а на окне сидела карлица-рептилия в белом халате и смотрела на Ильмеру, сквозь свечение... её руки, которая лежала на груди...

Ильмера в ужасе зажмурилась, досчитала на всякий случай до десяти и открыла глаза.

Вместо карлицы, наклонившись над кроватью Ильмеры, стояла медсестра Вера, впрыскивая в катетер, вставленный в вену на запястье, жидкость из шприца:

– Очнулись? Вы очень странная под наркозом, – развернулась и вышла из палаты, аккуратно прикрыв двери.

И тут в тело девушки ворвалась адская боль... Нет, операция была, а так же всё, всё, всё... или это наркоз...

Наутро в палату пришёл Семён и присел на краешек кровати, с тревогой вглядываясь в полубезумные глаза любимой. Ильмера взяла его за руку и полужёпотом затараторила:

– Сём, мне тебе рассказать надо... ты не думай, что я сумасшедшая, я вполне адекватная... Вчера, во время операции я видела такое!.. – И она поведала прифантастическую историю.

Семён спокойно выслушал, ни разу не перебив лихорадочный шёпот любимой, а затем медленно произнёс:

– Я... хотел тебе рассказать раньше, но... ты бы не поверила. А так – сама теперь всё знаешь.

– Что я знаю? Я какая-то Сияющая?! Вернее – меня называли в среднем роде – Сияющее. Словно я и не человек вовсе. И звучит прямо, как «прокажённая». А эти галлюцинации про рептилий, и искажение пространства – они такие реальные! Я вчера видела... представляешь – Вера, анестезиолог Илья Сергеевич, весь медперсонал – чудовища просто!

– Тихо ты, развопилась! Молчи, если не хочешь провести всю свою долгую, необыкновенную жизнь в психушке. Да, мы с тобой Сияющее.

– И ты?.. – Ильмера хватала воздух, не находя слов, – точно... они же говорили про второго, про самца, мужчину то есть. Так это ты?!

Семён вздохнул:

– Мне стало известно о том, что я Сияющее – в восемь лет, когда у меня вырезали аппендицит. Это тоже любимая еда рептилоидов. Они специально, ещё при рождении вживляют в приматов, в нас, то есть, клетки аппендикита, различных раковых опухолей, чтобы впоследствии гарантированно поставлять на свои планеты яства с Земли. Так вот, сделали мне анестезию – мало того, что не уснул – я весь засветился, да ещё спала пелена воздействия на мозг излучения, которым они опутали всю планету, чтобы люди не видели реальный облик пришельцев, поработивших Землю... В тот раз посмотреть на меня сбежался весь мед персонал... представляешь, восьмилетнему мальчишке увидеть сразу столько монстров!

– Бедный... Значит, они знают, что ты знаешь. Семён кивнул.

– А почему они не убили тебя?

– Во-первых – я как курица, несущая золотые яйца. Мне делали уже несколько операций по извлечению разных опухолей... уроды... И потом – кто мне поверит? Да и тебе тоже.

– Подожди, если у тебя было несколько операций, то где шрамы? Нет же ни одного!

– А вот об этом я тебе позже расскажу, – прошептал Семён, видя, как в палату вошла медсестра, чтобы сделать Ильмере перевязку.

Глава пятая. Сияющее

Прошло три месяца. Ильмера окрепла, и вспоминала произошедшее, как страшный сон. Ни она, ни Семён не заговаривали об открывшейся чудовищной правде, больше похожей на абсурд.

Он – понимал, что должно пройти время, прежде чем любимая полностью осознает, что она – Сияющее. А сама Ильмера первое время после операции находилась на тонкой грани безумия, пытаясь по крупицам собрать и воссоздать прежний понятный мир, который рухнул в одночасье.

Не сорваться в пропасть безумия помогал Харлей-Харитон – добродушный лабрадор ни на секунду не отходил от Ильмеры, пытаясь расшевелить превратившуюся в сомнамбулу девушку, заставляя её выходить на улицу, чтобы выгулять его.

Послеоперационный шов зажил с пугающей быстротой всего за неделю, и от него не осталось даже следа, что привело Ильмеру в ещё большую панику. Она ощущала себя чудовищем, и всех вокруг начинала воспринимать как чудовищ, внимательно вглядываясь в черты прохожих, ожидая увидеть проступающие приметы рептилоидов или ещё каких-либо монстров.

– Ириш, собираемся, едем на Чёрное море, – Семён втащил в квартиру внушительного вида чемодан на колёсиках и, войдя в спальню, положил его на кровать.

Ильмера удивлённо заморгала:

– А куда мы Харитона денем? Не поедет же он с нами!

– О псине я уже договорился со знакомым, – Семён начал вытаскивать из шкафа вещи свои и Ильмеры.

– Постой, но – какое Чёрное море? Уже прохладно – купальный сезон закончился, а я, как ты знаешь, моржеванием не увлекаюсь, да и ты, насколько я помню – тоже.

– Ир, ну не тупи, – он многозначительно посмотрел на любимую, – достопримечательности Северного Кавказа ещё никто не отменял. Съездим, развеемся. Ну?

Девушка пожалала плечами и принялась помогать собирать чемодан.

К удивлению Ильмеры, долгий путь к Чёрному морю прервался в предгорьях ЛагоНаки. Устроившись в симпатичном номере небольшой уютной турбазы «Лагонаки», и оставив вещи, в том числе и мобильники, влюблённые надели пуховики, захватили с собой по рюкзаку со всем необходимым и отправились в Пещеры, изучая купленную карту.

Купив билеты в кассе и, отказавшись от гида, влюблённые в приподнятом настроении вошли по указателям в ущелье горы.

Туристов практически не было – вдалеке виднелась небольшая группа, которую сопровождал экскурсовод, зябко кутаясь в красную куртку и пытаясь на ломанном немецком общаться с иностранными туристами.

Приглядевшись к экскурсоводу, Ильмера почувствовала, как холодный озноб пробежал по телу – перед ней стоял брат близнец анестезиолога из онкологического центра. Давно она не видела рептилоидо подобных. А ведь девушка хорошо запомнила всех чудовищ из реального кошмара.

Странно, но до сих пор, в обычной жизни, она не видела рептилоидов в человеческом обличи.

Поймав застывший взгляд девушки, Семён, сжав зубы, произнёс:

– Да, я его тоже заметил. Пасут, сволочи. Ну, ничего, глубоко в пещеры они не суются – почему-то боятся – я проверял.

Спустившись в пещеры, Ильмера сразу ощутила, что, оказывается, страдает клаустрофобией. Отдышавшись и выпив несколько глотков горячего чая из своего термоса, она немного успокоилась и огляделась, немного опешив от вида освещённой необъятной пещеры. Такой красоты подземного мира она ещё не видела. Семён с явным удовольствием смотрел на произведённый эффект – изумление, а затем восторг любимой.

– Роскошно, правда? Ну, теперь не жалеешь, что поехала?

– Да... как красиво...

– И это всё, что может сказать журналистка, можно сказать – писатель! – шутливо хохотнул Семён.

Но Ильмера уже не слушала его – она, взглядом, полным восхищения, смотрела на палитру красок, причудливые формы подземных естественных скульптур. Сталактиты и сталагмиты, словно созданные неведомыми иномирными скульпторами, тянулись по бесконечным громадным пещерам, освещённым прожекторами.

Так они вдвоём и бродили по подземельям, предназначенным для просмотра туристами – любуясь потрясающей необычностью пород, скрытой под толщей гор.

Постепенно, то тут, то там мелькающая группа туристов, во главе с рептилоидом, отстала от влюблённых и Семён, заговорщицки подмигнув Ильмере, свернул в сторону от маршрута, за табличку «проход запрещён».

Они углубились в дальние пещеры поменьше, где уже не было туристических указателей, а за очередным поворотом исчез и свет дальних прожекторов. Путники включили фонари, лучи которых утонули в темноте очередной огромной пещеры.

Ильмере стало не по себе, и она поёжилась:

– Сем, мы не заблудимся? – приступ клаустрофобии снова начал потихоньку напоминать о себе.

– Пожалуй, можно дальше и не идти, – согласился Семён и та-ак посмотрел на Ильмеру, что у неё пробежали по телу мурашки. – Присядем, чайку попьём. А вот и мой термосок. Чай я приготовил просто замечательный, по-новому рецептику. Тебе понравится, уж смею вас заверить, Ильмера Богдановна. Так сказать, устроим пикничок на глубине, кто ж его знает, сколько сотен метров между нами и поверхностью – потом в буклете почитаем.

Шутливый тон немного успокоил девушку. Они поставили фонари на возвышении, расстелили на белом камне, похожем на оникс, лёгкое серебристое изотермическое покрывало и сев друг против друга, накинув на колени такие же покрывала, потягивали чай с необычным привкусом.

Неожиданно Ильмера увидела, как сквозь кожу Семёна начало пробиваться свечение, и через секунду он уже весь сиял белым светом, который не сдерживала даже одежда.

Ильмера в панике прошептала:

– Ну вот, опять начинается... Что это? Что мы пили? Семён весело усмехнулся:

– Прикольно, правда? Это упрощённая химическая формула, параллельная хирургической анестезии. Мне Исаенко объяснял, да я не стал запоминать. Он сам на мне в своей лаборатории экспериментировал – видела бы ты его реакцию – хотел немедленно научный труд писать... еле отговорил друга.

– Посмотри, пещера так освещена, словно прожекторы включили. Забавно даже.

– Ир, – Семён погасил фонарики и дотронулся до сияющей руки любимой. – Теперь можно... Хочешь, поговорим на эту тему?..

– Спрашиваешь! – воскликнула девушка, разглядывая свои руки.

– В общем, после операции, ну, тогда, в детстве, я стал много читать. Очень много – хотел понять – что со мной не так и отчего я сияю. Когда подрос – пошёл по экстрасенсам. Одна из них, по счастью, оказалась не шарлатанкой, а реально ясновидящей. Она и рассказала мне, что я часть Сияющего, с планеты плеяды Нагоа одной из галактик Великой стены «Геркулес – Северная Корона» – огромной плоской супер структуры тьмы галактик, – которая находится в десяти миллиардах световых лет от Земли.

– ???

– Это цивилизация высокоразвитых существ, сохраняющих равновесие миров между добром и злом, светом и тьмой. У них нет тел в нашем понимании этого слова. Сияющие – световая энергетическая субстанция с совершенной сущностью – душой, прошедшей все ступени духовного развития. Одухотворённые абсолютно...

– Да уж, из тебя одухотворённость так и прёт, – нервно хихикнула Ильмера, – почему же у тебя, якобы высшего существа, был целый букет пороков – пьянство, разврат?

– Я не обижаюсь, – сквозь сияние улыбнулся Семён, – просто у Вселенной свои законы и представления о совершенстве.

– Похоже, весьма и весьма оригинальные представления.

– Не будем судить Вселенную. Тем более я уже не пью. Ну, почти. Не говоря уже о разврате.

– Ладно, хорошо. Шутки в сторону. Но. Серьёзно. Даже если всё, так как ты рассказал, даже если я тебе поверила – гипотетически, конечно, объясни мне хотя бы – почему и каким образом нас так далеко занесло? И почему мы с тобой ничего не помним о себе и своём мире?

– Ясновидящая подробно рассказала, что мы с тобой что-то наподобие эмиссара. Мы – единое Сияющее. Мы с тобой одно целое, вот такая штука. Одна душа! Понимаешь?

– Н-не-ет, – протянула с ноткой упрямства Ильмера, – вот этого я уж точно абсолютно понять не могу. Я есть я – единственная в своём роде и неповторимая.

– Я тоже раньше так думал. Как мне объяснили – сущность Сияющего слишком мощна для энергетической и телесной оболочки человека Мидгарда, поэтому она воплотилась в двух разнополюх существах. И похоже, как у всех воплощённых на земле, у нас заблокировалась память.

– Бред какой.

– А я не удивился, когда узнал. У буддистов бытует легенда, что Ламы, приходящие на землю из неведомых миров, могут попасть повторно на землю только в телах сразу трёх – четырёх младенцев.

– Невероятно, – качала головой Ильмера. – Постой! А ведь я что-то припоминаю. Помнишь, когда мне делали операцию, Императрица рептилий говорила что-то о разделении Сияющего... Значит мы единое целое и мы эмиссары... Ну, да, всё же так просто, прямо таки элементарно.

– Не ёрничай, Ир. Ещё ясновидящая рассказала мне преинтереснейшую историю. Раньше на этой планете процветала мощная цивилизация людей, обладающая знаниями вселенной, имеющая громадный космический флот, который, увы, не смог противостоять внешнему и очень коварному врагу другого вида гуманоидов. Немногим более десяти тысяч лет назад планету, тогда ещё называемую Мидгард, после жестоких войн захватила раса Мбусакров – рептилоидов, которые когда-то, десятки миллионов лет назад, бежали с Земли, спасаясь от атаки астероидов, и теперь были абсолютно уверены, что это их законная планета. Обнаружив занятую людьми Мидгард-Землю, пришельцы устроили глобальный катаклизм, столкнув с орбиты один из двух спутников нашей планеты и обрушив его в Великий океан. Полюса планеты сдвинулись, поверхность планеты изменила очертания, множество людей трёх рас погибли. Выжили только те, кто сумел улететь подальше от планеты, да те, кто спрятались в недрах гор. Наступил Великий Ледниковый период, растянувшийся на несколько тысяч лет, во время которого люди жили в подземельях Мидгарда. Когда они вышли из катакомб, на поверхности уже давно жил новый вид приматов – людей, искусственно насаждённых на планету – их называли «Серые». Они были андрогинами – людьми, чьё тело имело сразу два пола, и служили хорошими донорами внутренностей на грандиозной ферме деликатесов, устроенной Мбусакрами на нынешней Земле. Когда люди вышли из подземелий, Мбусакры опоясали озоновый слой волновым излучением, искажающим для приматов реальность так, что наши предки, как и мы, видели в рептилоидах и андрогинах обыкновенных людей. К сожалению или к счастью, оказалось, что настоящие люди, в отличие от сухопарых андрогинов, для Мбусакров – настоящий деликатес. И захватчики начали скрещивать расы. Кроме использования внутренних органов, рептилоиды, как паразиты, выкачивают из людей жизненную энергию, подпитывая свои колонии. За последние тысячи лет человечество деградировало, сократилась продолжительность жизни с тысячи до семидесяти лет, а то и меньше.

– Знаешь, сказанное тобой звучит как несусветный бред шизофреника... Но, – Ильмера протянула вперёд светящиеся руки и положила ладони на колени Семёна, слившись в одно сияние, – я понимаю, что ты говоришь невероятную правду. Иначе как можно объяснить всё то, что с нами происходит. Ладно – пусть так – захват земли, рептилоиды, какие-то «Серые». А мы-то как здесь очутились? И что нам делать? В себе бы хоть разобраться!

Семён, помолчав, взглянул исподлобья на любимую:

– Помнишь, тогда – на выпускном, ты сказала, что поедешь со мной на Гоа?

– Хорошее было время, я всё время о нём вспоминаю, – улыбнулась сквозь сияние Ильмера.

– Ты произнесла абсолютно кодовое слово, слитно – Нагоа – с ударением на первый слог! Вот тогда я посмотрел на тебя совсем другими глазами. А ещё твоё имя. Оно до того не давало мне покоя.

– Да уж, родители учудили, – задумчиво протянула девушка.

– Ты думаешь, они тебя случайно назвали древнеславянским именем Ильмера, что означает – скрывающая свое сияние?

– Ну, я у мамы всё допытывалась – где она это, как я думала, нерусское имя откопала, а она отвечала, что само по наитию пришло. Наитие наитием, а я со своим именем намучилась. Как только в школе меня не называли. Так что я, чтобы не коверкали имя, себя всегда называла Ира.

– Ириш... Меня ведь тоже не Семёном зовут. Родители назвали Светозаром, что значит – озаряющий светом. Но после первой операции я всем начал говорить, что меня Семён зовут, а не иначе. И когда паспорт получал – это имя записал.

– Ничего себе, ты не рассказывал! – изумилась Ильмера. – Так значит ты Светозар, – и тут её осенило. – Теперь я начинаю понимать – Сем, мы с тобой, по всей видимости... сияли при рождении! Поэтому родители и дали нам такие имена!

– Скорее всего. Неожиданно, в тот раз, ну, после выпускного, сразу всё встало на свои места – наши с тобой имена, наша встреча – пазлы сложились, и я понял, что ясновидящая права, сказав, что я не один на планете, что найду вторую половину своей души, которая в определённый момент скажет условленный пароль – название нашей родины.

– И ты так давно знал... – Ильмера пристально посмотрела на любимого, – и ничего не говорил.

– Сам долго не мог до конца поверить.

– Что нам теперь делать? Нашим телам осталось жить лет сорок ещё... А потом – домой? Но десять миллиардов световых лет... Что с нами будет?

Семён покачал головой:

– В том то и дело... Ириш, мы с тобой в западне. Сущность Сияющего может поддерживать тело примата в том тонусе, который определён земной природой, действуя на него очень благотворно. Посмотри на нас – нам за сорок, но мы молоды!

Тебе вообще больше двадцати шести не дашь.

– Спасибо, – улыбнулась Ильмера, – да и ты выглядишь не старше тридцати. А было бы здорово прожить тысячу лет.

– Мало того – наш организм быстро регенерируется и восстанавливается. Я проверял.

– Как?

– Однажды, совершенно случайно отхватил себе две фаланги большого пальца на правой руке. Так вот он через некоторое время вырос – и кости и вены, и кожа – всё, как положено. Как у ящерицы хвост.

– С ума сойти... Хотя, у меня тоже один раз был случай – порвалась мочка уха – случайно отстрелили во время соревнований стрельбы из лука. Так вот она отросла за несколько дней... точно...

– Да ты шов свой вспомни. Он же через две недели полностью исчез.

– Сем, получается, что мы с тобой практически инопланетяне?

– Не совсем. Ясновидящая объясняла мне, что все сущности приходят в земной мир из разных галактик, а некоторые вообще из иномирья, ну, из параллельных вселенных. Для сущностей не важно, сколь бесконечно расстояние – они перемещаются со скоростью мысли. В большинстве, конечно, попадают сюда из определённой галактики – это её бывший Райский сад, в котором совершенствовались сущности в человеческих телах, и который теперь окучивают рептилии... Звучит как-то знакомо...

– И главное – достоверно, – попробовала пошутить Ильмера.

Где-то в глубине пещеры гулко упала капля грунтовой воды с гигантского сталактита. Влюблённые вздрогнули. Ира допила остывающий чай:

– Значит, мы здесь застряли надолго.

– Да. Мбусакры так просто нас не отпустят. С другой стороны – есть большая доля вероятности исполнить свою миссию.

– Я уже поняла, что мы с тобой на земле не случайно. Вчём тогда наша миссия?

– Это же очевидно! Я, надеюсь, ты стрелять не разучилась?

– Ну, как-никак я мастер спорта по стрельбе из лука. Только как это может пригодиться?

– Мы должны избавить землю от паразитов!

– Всего-навсего? – ухмыльнулась девушка.

– Ну, ты же собиралась на Гоа, чтобы освободить несчастных индусов?

– Было дело. Но, ты же понимаешь – чисто гипотетически собиралась.

– Теперь нам предоставляется возможность совершить свою миссию в планетарном масштабе.

– Ты мой Че Гевара доморощенный, – Ильмера чмокнула любимого в щёку, а затем резко встала, сбросив с себя изотермическое покрывало, и, уперев руки в бока, звонко произнесла – так, что в пещере эхом раскатилось, – а почему бы и нет? Мбусакры нас всё равно не тронут до новой порции деликатеса. С чего начнём?

Семён тоже поднялся:

– Ильмера, я тебе не говорил, но подготовка идёт полным ходом. Для начала выведем рептилоидов на чистую воду. Есть у меня несколько знакомых хакеров. Надо убрать волновое излучение, которое искажает реальность, чтобы все люди, настоящие люди увидели реальную внешность захватчиков и скрещенных андрогинов – их всё равно можно сразу отличить от людей.

– Не знаю, что ты придумал, Сёма – Светозар, но я – тобой! – Ильмера положила руки на плечи любимого и пристально посмотрела в его глаза. – Мы же единое Сияющее!

– Наведём шороху в гадюшнике!

– Интересно, вернётся ли к нам память?

– Не знаю. Поживём – увидим.

– А потом, может, поймём, как вернуться домой?

Анапа, 2016 год.

ВТОРЖЕНИЕ

МИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

*Я не был мертв, и жив я не был тоже; А рассказать ты можешь
и один:*

Ни тем, ни этим быть – с чем это схоже...

Данте Алигьери

Глава 1. Макс

В сумраке большого заброшенного заводского цеха царил тихий, едва уловимый шелест. Оставшиеся в живых люди соорудили среди кирпичных стен цеха подобие жилища, перетащив в глубину технического зала разнообразную старую полированную мебель – шкафы, кресла, столы, даже допотопный телевизор, впрочем, не работающий, ввиду полного отсутствия электричества – обычные предметы быта, которые выжившие, с отчаянной настойчивостью цепляясь за прошлое, приносили как трофеев, словно напоминание о той, ушедшей жизни, в одночасье рассыпавшейся в прах.

В дальнем углу помещения, в отсветах тускло мерцающих свечей, более сотни человек разных возрастов изредка почти беззвучно перешёптываясь, аккуратно развешивали одежду на чисто вымытых окрашенных металлических трубах. Обитатели завода постепенно готовились ко сну, располагаясь на матрасах, расстеленных на растрескавшемся бетоне.

Перед одним из матрасов сидела девочка лет шести и сосредоточенно расчёсывала лежащую девушку. Она уже обтёрла остатки цементной пыли на лице вновь прибывшей спасённой и теперь бережно гладила расчёской длинные густые тёмно русые волосы девушки, разложив их ровным веером вокруг головы. Кого-то она так же расчесывала до вторжения, кого-то очень близкого и родного, но кого – не помнила...

Девушка открыла глаза и, сделав глубокий вдох – выдохнула:

– Кто т...? – но схватилась за горло от резкой боли, не в силах продолжить фразу.

Девочка от неожиданности расширила свои и без того огромные синие глаза, затем повернув голову, негромко позвала:

– Идите сюда! Она очнулась, она очнулась!

Люди шуршащей толпой не спеша подошли к ложу со спасённой.

Девушка села на матрасе. Голова кружилась, во рту ощущался неприятный характерный металлический вкус крови, и внутренние стенки горла нестерпимо раздирали от боли. С трудом она выдавила из себя:

– Где... я?... Кто... вы?..

Перед ней опустилась на колени молодая женщина, белым платочком вытирая с подбородка девушки струйку крови. Рядом с ней встал мужчина и положил руку на плечо женщины. Она с грустной улыбкой посмотрела на спутника, затем поднялась с колен и произнесла, участливо глядя на девушку:

– Тебе пока вредно разговаривать. Мы, как и ты – немногие выжившие после нападения на планету...

Девушка удивлённо уставилась на женщину.

– Анечка, может не стоит пока посвящать девушку в грустные подробности? Всё равно не поверит, пока не убедится, – отчего-то почти шёпотом остановил женщину её спутник.

– Может ты и прав, дорогой, – как-то вяло безвольно согласилась женщина, всем своим видом давая понять, что ей, в принципе всё равно – рассказывать или нет.

Но девушка так убедительно вопрошающе посмотрела на женщину, что та решила продолжить:

– Ну, хорошо... Так вот... Мы не знаем, кто они. Они захватили землю, вытесняя людей и животных за пределы городов. На нас обрушили какую-то психологическую атаку – никто из нас не помнит ровным счётом ничего о своей прошлой жизни. Именно только о своей личной жизни – словно кто-то избирательно стёр нашу память. Тот мир, который мы знали – прекратил существование. Всё вокруг исказилось до неузнаваемости – материя полностью изменилась... Реки превратились в слюдяное желе, песок и земля стали тягуче-каменными, листья деревьев – словно ватными. Само время потекло по другим канонам...

«Бред какой! Больше похоже на злую шутку или розыгрыш... Да быть такого просто не может!» – протестовал разум девушки, которая с недоумением слушала, уставившись на говорившую.

– К сожалению, девочка моя, реальность страшнее, гораздо страшнее. Ну, да ты увидишь, – грустно вздохнула женщина. – Мы потихоньку подбираем выживших. Тебя нашли возле завода – вытащили из-под обломков упавшей плиты... тебе повезло – плиту задержали камни и ты оказалась хоть и погребённой, но живой.

– Да, да, повезло, повезло, – почти шёпотом произносили окружающие и начали расходиться по своим местам.

Девушка с изумлением выслушала чудовищное, прямо таки абсурдное сообщение, рассказанное таким обыденным тоном, словно ей поведали о рядовом событии – о прошедшем дожде или прочитанном объявлении в газете.

– Почему я ничего не помню? – просипела она вслед уходящим.

Женщина обернулась:

– Никто из нас не помнит даже своего имени. Отдыхай. Завтра будет новый день.

Заснуть никак не получалось – ещё бы! Ошеломительные новости – инопланетяне и беспомыслие! Не выдумка какая-то, не фильм «апокалиптика», а вот здесь, прямо наяву! Апокалипсис здесь и сейчас. В воспалённом мозгу девушки никак не укладывались подобные мысли.

«Надо как следует обдумать произошедшее... Может они просто сумасшедшие? Ладно, завтра разберусь... Но память... Видимо сильно стукнулась головой... Я должна, непременно должна вспомнить – кто я! Ну не могу же не помнить! Необходимо вернуть себе хотя бы имя», – металось сознание девушки.

Через некоторое время она растолкала лежащую рядом девочку и спросила:

– При мне что-нибудь было? Документы? Ну, какие-нибудь вещи?

– Н-нет... – спросонья прошептала девочка, подтягивая одеяло к подбородку, – Джемпер, джинсы, ну, то, что на тебе сейчас... Да, вот ещё что, вспомнила, когда тебя обгирала, мы увидели на левом плече красивую такую татуировку с животным – взрослые сказали, что это леопард, а над ним надпись – Макс. Может это твоё имя?

– Не уверена. Кажется – меня по другому звали... Но хоть что-то. Пусть буду Макс.

– Счастливая, – вздохнули из темноты несколько голосов, – у тебя хоть имя сохранилось...

Глава 2. Парк

В огромные пыльные окна заводского цеха заглянули солнечные блики. Макс сладко потянулась и, открыв глаза, вскрикнула от неожиданности – вокруг её матраса плотным коль-

цом стояли новые знакомые – первый круг дети, второй – взрослые. Люди, молча доброжелательно – печально улыбались, не мигая пристально глядя на неё.

Девушка вскочила и толпа отпрянула. Люди, как ни в чём не бывало, развернулись и не спеша, направились к выходу. Рядом с Макс осталась женщина, говорившая с ней вчера – она, улыбаясь, погладила её по голове:

– Ты так сладко спала, что мы не решились тебя будить. А между тем пора идти. Да, нам пора.

– Пора, пора, – повторили несколько человек, проходивших мимо к выходу.

– Куда? – на ходу поправляя волосы, спросила девушка.

– Увидишь. Кстати, как твоё горло?

– Болит. Но крови вроде бы больше нет.

– Вот и славно. Вот, выпей тёплого чая, – она протянула треснувшую фарфоровую чашку и Макс с наслаждением, сквозь остаточную боль выпила что-то наподобие травяного чая.

Девушка поспешно расчесалась, глядя на себя в треснувшее зеркало, закреплённое на тонкой трубе. «Бледная какая – в гроб краше кладут. Хорошо, что хоть одежда целая». Макс ещё раз бросила на себя взгляд в зеркало, даже улыбнулась, и последняя выбежала из цеха.

Люди, разбившись на пары, спустились с пригорка, на котором стоял массивный завод причудливых форм с положенными для таких зданий дымовыми трубами, металлическими конструкциями, бесконечными цехами, которые терялись в пространстве холма. Вдали раскинулся город, сползающий прямо в безбрежную массу леса, уходящего за горизонт. Вслед за лесом, петляя, уплывала навстречу с небом и огромная река, делившая город на две половины, соединённые мостом.

У Макс захватило дух от созерцания невообразимой красоты.

Но было в этой красоте что-то не так. Макс не могла объяснить – искусственное, что ли – она сначала и не поняла – что. Но спускаясь с холма и проходя мимо первых же кустарников, растущих прямо из каменных насыпей, девушку начал бить озноб. На верёвочных, или какими они на самом деле были, ветвях словно приклеенные топорщились ватные пузырчатые листья.

Макс оторвала листок и растянула его по волокнам, которые послушно расплзлись, словно комок ваты. Она бросила псевдо лист на землю: «Так не бывает... Чёрт! Значит люди с завода и не ненормальные вовсе... И всё, что они рассказали – правда?..» – девушка закусила губу и бросилась догонять уходящую толпу.

Через какое-то время люди вошли в парк, где среди деревьев и причудливых разноцветных скульптур прогуливались... «Они»...

Макс впервые увидела инопланетян, или кто они на самом деле были. С виду существа очень походили на людей, но грани их тел размывались, словно не успевая за движением хозяев тел – девушка вспомнила – молекулярная нестабильность. Ага, это она помнит, а себя родную вообще забыла. Ничего, она вспомнит, во что бы то ни стало!..

И тут Макс услышала их речь, которую абсолютно было невозможно разобрать – так, словно слова произносились наоборот, словно прокручивали назад фразы, и от подобных звуков абракадабры пришельцев ей стало жутковато.

К счастью, пришельцы вообще не обращали на людей никакого внимания.

Макс приблизилась к толпе инопланетян и людей, стоящих вперемежку. Перед ней открылось странное действо.

Пришельцы неловко суетясь укладывали в белые картонные коробки... кукол. Поставив несколько коробок с куклами возле каменного вала, чудовища раскрыли уродливые рты

и неожиданно заклокотали с такой силой, что Макс, поморщившись от раздрающего ультразвука, зажала уши.

Стоя в молчаливой толпе людей и орущих пришельцев, девушка невольно рассматривала кукол – большие, размером почти с настоящего ребёнка, одетые в красивые кружевные и атласные белые платья, на головах веночки из белых цветов. Макс посчитала – их было шестнадцать. Приглядевшись к одной из кукол, Макс с изумлением поняла, что она точная копия синеглазой девочки с двумя тугими косами, которая стоит рядом с ней, держа её за руку тёплой ладошкой. Кукла была неестественно румяная, её крупные русые локоны обрамляли лицо и возлежали на атласном платье с кружевами.

Макс в недоумении обернулась:

– Зачем они это делают?

Мужчина, стоящий рядом, сжал зубы:

– Уроды. Они почти каждый день делают кукол похожих на людей и зарывают их в камень, то есть в землю.

Макс осенило:

– Похоже на ритуал Вуду!

Многие люди пожали плечами. Видимо, у всех была своя версия происходящего нелепого и жуткого ритуала пришельцев.

– Нелюди, одним словом, – раздалось в толпе.

Между тем, пришельцы замолчали и, закрыв коробки, побросали их в приготовленный ров, заложив его тягучим камнем.

Люди развернулись и молча побрели прочь из парка.

Девушке совсем не хотелось возвращаться на угрюмый завод. Она решительно повернула в сторону города и едва прошла одну аллею, уже собираясь выйти из парка с противоположной стороны, как к ней подбежала запыхавшаяся синеглазка и, схватив её за руку, жалобно произнесла:

– Умоляю, не ходи в город! Хотя бы сегодня! Скоро вечер – ты не успеешь вернуться!

– Заночую в городе.

Девочка испуганно затрясла головой:

– Нет, нельзя! Ночью пришельцы начинают нас видеть! Никто не возвращался после ночных встреч с инопланетянами! Как стемнеет – надо непременно быть за спасительными стенами завода!

– Ну, хорошо, уговорила. Идём назад, – девушка улыбнулась крохе, – только давай знакомиться. Меня уже знаешь, как зовут.

– Макс, я помню, – радостно закивала девочка.

– А тебя как зовут?

– Мне кажется, что Доча.

– По-моему это не имя.

– Мне часто снится, что кто-то меня зовёт так – Доча. Голос мужской. Мне он кажется таким знакомым и родным... Макс, а зачем монстры сделали куклу похожую на меня?

– Кто же знает.

– Я их боюсь...

– Всё будет хорошо.

Макс твёрдо решила докопаться до сути происходящего, о чём она и думала, идя рядом с растерянным ребёнком по каменной земле в сторону холма, на котором возвышался спасительный завод.

На заводе было тихо, по-семейному. Несколько десятков человек беседовали, разбившись на небольшие группы. Компания парней и девушек играли в пинг-понг на втором ярусе цеха, притащив туда два стола. Несколько ребят делали кульбиты на трубах, соорудив из них спортивные брусья. Некоторые жители завода с непонятым упорством качали пресс, поднимали железные диски, накачивая мышцы. Кто-то что-то мастерил из подручных собранных металлических деталей, кто рисовал на стенах...

Все дети собрались в одном месте, большой плотной стайкой окружив мужчину, который почти единственный находил с ними общий язык. Остальные жители завода, погружённые в собственные переживания, словно и не замечали детей, предоставив им абсолютную свободу действий.

Доча потянула Макс к толпе детей:

– Пойдём к дяде Мастеру. Он добрый. Я сначала так здесь растерялась, а Мастер рассказал, что мы люди и должны держаться вместе. Он учит нас писать буквы и цифры осколками кирпича, делать поделки, а ещё рассказывает, как прятаться от пришельцев.

– А как прятаться?

– Идём. Мастер об этом рассказывает каждый вечер.

В дальнем углу цеха разместились компания, состоящая из взрослого и нескольких десятков детей от четырёх до двенадцати лет. Взрослый, несомненно Мастер, сидя на деревянной коробке перед огромным ящиком из под какого-то технического механизма, в свете оплывающей самодельной свечи сосредоточенно крутил из алюминиевой проволоки некую инсталляцию, похожую на дерево с могучей кроной и корнями. Дети, сидевшие вокруг на всевозможных ящиках, тоже увлечённо крутили свои проволочные фигурки.

Подойдя к компании, Макс с девочкой услышали продолжение рассказа Мастера, говорящего мягко, но с нотками тревоги и назидания:

– ...и если стемнело и вы заметили пришельца, не разговаривайте с ним. Пока вы с ним не заговорите – он вас не заметит. И бегите от него. Бегите к стене! Потому, что в стене есть дверца. Она покажется вам крошечной, но вы ползите в неё – она ваше спасение! Повторите.

– Потому, что в стене есть дверца, – хором, почти шёпотом послушно произнесли ребята, сосредоточенно глядя на мерцающий свет свечи.

– Что за дверца? – шёпотом спросила девочку Макс.

– Я тебе утром покажу, – по-взрослому серьёзно ответила Доча.

Глава 3. Потому, что в стене есть дверца

– Макс, вставай, идём уже, – сознание девушки вырвал из сна настойчивый голос Дочи.

– Ну, что так рано? Я спать хочу.

– Нельзя долго спать – можно умереть, – заговорщицки понизив голос, заявила девочка.

– Что за бред? Это у тебя игра такая?

– Доча права.

К ним подошла женщина, которую все звали «Актриса». Она была одета в старинные красивые одежды – словно на костюмированном балу прошлого века, видимо вторжение застало её во время спектакля в театре. Актриса так гордо держала голову и так изысканно изъяснялась, что Макс казалось – мадам играет очередную роль.

И сейчас она грациозно водила рукой перед собеседницами, словно факир перед внимающей публикой:

– Нельзя спать днём, уверяю вас, деточки... Когда началось вторжение – много людей погибло. У нас тут учёный был – он объяснил, а потом постоянно рассказывал, что случилось то, чего никто не ожидал. У меня великолепная память и я прекрасно запоминаю любой текст. – Дама строго посмотрела на Макс, словно та попыталась ей возразить, чего, естественно у девушки и в мыслях не было. – Так вот, мы же всегда думали, что пришельцев следует ждать из космоса, на худой конец из океанов или из подземных глубин. Но пришельцы захватили нашу землю, придя из параллельной вселенной. Произошёл какой-то пространственный сдвиг и мир перестал быть прежним, разделив человечество на людей и нелюдей. Проникнув из параллельного мира, пришельцы захватывают наши тела, наши жилища, стирая память только им известным излучением, преследуют в тёмное время суток. Но и, казалось бы, безопасный день таит в себе смертельную ловушку. Уснувший днём человек проходит точку не возврата и в течение нескольких часов испаряется. Чтобы не спать, мы всегда уходим в парк, где пришельцы постоянно закапывают чучела людей...

– Почему именно в парк?

– Потому, что так надо. Так говорил Учёный.

– Как бы мне поговорить с учёным? – встрепелась Макс.

– Никак. Он, конечно, очень много сделал хорошего – например, пока он жил – у нас было электричество, и мы даже могли смотреть телевизор, слушать радио. Но постепенно Учёный начал терять интерес к жизни и однажды он решил не просыпаться. И исчез.

В глазах Актрисы заблестели слёзы – всё по закону жанра. Актриса театрально приложила к глазам платочек и поплыла прочь.

«Вот круто! – В голове Макс воцарился полный сумбур, – инопланетяне из параллельного мира! Квантовый сдвиг!.. Откуда я знаю?! Кажется, читала где-то об этом!.. Да, я же люблю фантастику! Супер! А тут прямо в жизни – планетарно-пространственная катастрофа... Помню! Я начинаю вспоминать! Наконец-то что-то уже проясняется в мозгу! Даже... стой!.. я даже знаю кто мой любимый писатель фантаст – Головачёв... Точно!»

И неожиданно, словно видео кадры, появились воспоминания – книжный шкаф, битком набитый книгами. А вот и полка с томами Василия Головачёва. Но воспоминание как появилось, так мгновенно и растаяло. Макс потрясла головой – «Что там, рядом со шкафом было? Жёлтая стена. Ура, я начинаю возвращать свою жизнь!»

– Доча, покажи мне дверцу. Помнишь, вчера говорили.

Девочка, терпеливо ждущая, когда же Макс выйдет из задумчивого ступора, улыбнулась и радостно кивнула:

– Идём.

Пройдя цех непонятного технического назначения, новые подруги вошли в сравнительно небольшое помещение со стенами из красного кирпича.

– Потому что в стене есть дверца – монотонно, словно заклинание протянула девочка.

– Где? – едва спросила Макс, как тут же увидела заветный лаз.

Квадратная дверца шириной метр на метр, словно заслонка в жаровню, буквально сливалась с кирпичной стеной.

– Идём? – открыв дверцу, Доча смело шмыгнула вперед. За ней последовала и девушка.

Макс даже и предположить не могла, что в жизни бывают такие цеха. Громадный, размером с хороший стадион. И весь он был сплошным резервуаром, наполненным водой и разделённый на секции бетонными перегородками шириной в метр, по которым бродили люди. Девушка вспомнила, что подобные залы бывают в водоочистных сооружениях либо в рыбных

хозяйствах. Но чтобы таких размеров! У девушки захватило дух, а Доча стояла рядом, довольная произведённым на Макс эффектом.

– Ну, как?

– Мощно! – выдохнула девушка.

– Смотри, здесь наша еда, – ткнула пальчиком Доча и, взяв девушку за руку, повела её по центральной дорожке, с восторгом рассказывая, – вот здесь у нас растения – они вкусные и полезные – в них есть йод, который против радиации. А вот наши морские козлы – у них молоко вкусное, как мороженое.

В резервуаре резвились млекопитающие с мордами козлов, размером с небольших тюленей, покрытых гладкой чёрной шерстью, с положенными рожками на лбу, козлиной бородкой, а так же с единственными передними конечностями – лапами, и тюленьими хвостами. Нескольких из них, втащив в небольшую бетонную нишу, доили в ведёрки четверо мужчин и женщин.

– М-м, – облизнулась доча, – ну, в общем, вокруг много всего. Без еды мы бы умерли.

Неожиданно девушку осенило:

– Подожди! Если на всей земле вода превратилась в тягучую слюду, то почему здесь пода остаётся водой?! Да и вообще, насколько я поняла – всё на заводе осталось как при прежней жизни до вторжения?!

– К нашему счастью – произошла природная аномалия, – вклинился в разговор проходящий мимо мужчина в слегка помятом дорогом брючном костюме, похожий на олигарха, или на худой конец на депутата, – именно здесь, на территории завода всё осталось по-прежнему, что позволяет нам выживать среди чудовищ, которые тут почти не появляются. Скорее всего – боятся сюда сунуться.

Произнеся тираду, мужчина двинулся дальше, склонился над резервуаром, выловил раковину, похожую на устрицу, вскрыл бордовый панцирь перочинным ножиком и с наслаждением втянул в рот несчастного чёрного моллюска.

Макс уже начала привыкать к тому, что каждый, кому не лень, абсолютно без спроса встречается в разговор, успев ощутить, насколько, в сущности, каждый из них одинок...

Девушка обернулась – Доча, вместе с толпой детей уже пили из разнообразных сосудов молоко, которое им разлили взрослые.

Вытерев жёлтые молочные усы, Доча подбежала к Макс и затрясла её руку:

– Пойдём, пойдём, и тебе молока нальют! Хочешь?

– Нет, не хочется что-то. Давай лучше, ещё посмотрим, что здесь есть.

– Вон там, у окна – проточная вода, там стирают вещи, а рядом – купаются. – Доча указала на два небольших резервуара, в одном из которых, стоя на коленях, несколько человек полоскали какие-то вещи. – Особенно хорошо, когда солнышко нагреет воду.

– У вас есть мыло?

– Не, нету. Зато много золы. Ею и моемся...

Пока спутницы совершали экскурсию вдоль своеобразных плантаций, цех заполнили жители завода, разбредаясь по бесконечным дорожкам вдоль резервуаров с разнообразной причудливой едой.

«Похоже, люди в любых условиях находят способы выживания. И теперь, когда флора и фауна земли безвозвратно изменилась, люди нашли новые продукты питания, хотя я от них не в восторге, но придётся приспособливаться» – и словно в подтверждение мыслям Макс, перед ней открылась такая картина, что девушка не поверила своим глазам – в очередном резервуаре клубками вились белые ленты. Живые. Она, конечно, догадывалась – что это, но верить не хотелось.

– Ленточный червь, – поймав взгляд девушки, улыбнулся подошедший парень в синей толстовке с закатанными рукавами на накачанных бицепсах и довольным румяным лицом.

– Между прочим, отменная штука – сплошной протеин. Для тренировок полезен, рекомендую, – он зачерпнул клубок извивающихся червей и отправил их себе в рот, втягивая, словно лапшу, с наслаждением пережёвывая.

Девушку замутило и она, оставив девочку, присоединившуюся к трапезе парня, пулей бросилась к лазу, выскочив через него в пустой цех, прерывисто дыша, прижалась к кирпичной стене, с трудом приходя в себя.

Из лаза начали появляться люди, сообщая друг другу:

– Пора в парк. Мастер видел, что из новенького мальчика сделали куклу.

Макс поёжилась. Да, она ещё вчера заметила нового полного парня лет семнадцати, который был перепуган и не верил ни единому слову о пришельцах. Но, однако, как и все – не мог вспомнить – кто он.

К Макс подошла девочка с синими глазами:

– Идём в парк.

– Зачем вы туда вообще ходите?

– Ну, не знаю, так положено, – растерянно протянула девочка, явно повторяя чьи-то слова. – Так заведено... Идёшь?

– Не хочу, – мотнула головой девушка, – смотреть на театр абсурда, который ежедневно устраивают пришельцы? Ну, уж нет. Останусь здесь, вон, хотя бы с ребятами в теннис поиграю. Они же тоже в парк не ходят... Я вот вообще не понимаю, почему из всех кукол делают, а из меня – нет?

– Не только из тебя. Тут у многих не было кукол. Может ещё сделают? На меня похожую вон вообще только через несколько дней сделали. Да и какая вообще разница? Так ты идёшь всё-таки?

– Здесь побуду. В город ведь уже не успеть.

– Тогда я с тобой останусь.

Собеседницы вернулись в обжитой цех, который теперь стал для них домом. На втором ярусе молодняк, наевшись червей, снова играл в пинг-понг, девушки кокетничали с парнями, парни рисовались перед девушками – обычная человеческая жизнь, словно и не было никакого вторжения инопланетян и краха цивилизации. Люди остаются людьми – они всё так же живут, едят и мечтают о любви, не смотря на разъедающую души и всё больше отравляющую существование безграничную печаль... Печаль, которая начала постепенно захватывать и душу Макс...

В пол уха слушая реплики компании ребят, девушка попыталась включить телевизор.

– Электричества нет, – подошла Доча, – как Учёный исчез, так поработал ещё несколько дней и всё. Сказали, что нужна какая-то «солярия».

– Соляра.

– Ну да. Но кто за ней пойдёт. И где её искать? Да и по телевизору ничего нет – одни помехи, да инопланетяне...

– Тихо! – Макс замерла, услышав шорох, – кто-то из наших вернулся?

Доча не успела ответить – в пыльном громадном витражном окне появились силуэты... пришельцев. Шумная компания наверху замерла и по-тихому скрылась за металлическими каркасами – видимо не в первой.

Один из пришельцев – скорее женщина, вошла в зал и встала как вкопанная, оглядывая скрб людей, то ли снимая вещи на невероятных размеров видеоаппарат, то ли готовясь их

взорвать... Но Макс с девочкой уже пулей неслись к спасительной дверце, в которую юркнули с невероятной скоростью.

С колотящимися сердцами они прижались к стене, слушая, как по другую сторону пустоту завода заполняли булькающие голоса захватчиков из параллельного мира...

Макс посмотрела на девочку – та беззвучно, одними губами повторяла бесконечно одну и ту же фразу, словно заклинание: «Потому, что в стене есть дверца...»

Неожиданно, сквозь пыль стеклянной стены спасительного цеха, на девочек уставился взгляд пришельца – женщины, которая им махала и что-то кричала, стуча по стеклу. Люди буквально вжались в стену, боясь пошевелиться.

Они потеряли счёт времени...

Наконец, монстр исчез из окна и Макс с Дочей, выдохнув с облегчением, на дрожащих ногах опустили на цементный пол.

Сколько прошло времени – они не знали. В резервуарах жизнерадостно резвились водяные козлы и странного вида рыба, копошились черви и моллюски. Есть совсем не хотелось. Наконец, в дверцу заглянула Актриса:

– Ужинаете? Идите уже спать, – и, проскользнув в цех, двинулась к резервуару с водяными козлами, которые радостно застрекотали, при виде человека.

Макс сердито встала. Её уже начало подбешивать, что все кому не лень указывают ей, что она должна делать. Но спорить не стала и поползла через дверцу.

В спальном цехе Макс присоединилась к эмоциональной беседе девушек и парней, наперебой рассказывающих выжившим людям о нашествии на завод иномерных захватчиков. Доча всё время надувала губы и передразнивала утробное бульканье пришельцев, повторяя:

– Нам было так страшно, так страшно... А ещё – они почему-то нас увидели. Так же ведь не должно быть?.. День же был...

Мастер жестом остановил поток возбуждённых возгласов и к удивлению Макс все разом замолчали.

При общем унынии и растерянности среди людей, похоже, именно Мастера все непроизвольно считали лидером и относились к нему очень уважительно. Но сам Мастер, казалось, абсолютно не стремился к лидерству. Он просто, насколько возможно, помогал людям выжить. Особенно ему было жаль детей. Чувствуя ответственность за хрупких человеческих детёнышей он прилагал все усилия, чтобы спасти их в хаосе погибшего мира.

Мастер обвел печальным взглядом жителей завода и постановил с глубоким вздохом:

– Сейчас всем спать, – и люди послушно начали расходиться по своим местам. – А завтра с утра уходим за резервуары. Придётся осваивать новые цеха, раз здесь становится не безопасно.

– И искать новую дверцу? – сонным голосом спросил маленький мальчик, устраиваясь спать на своём матрасе.

– Совершенно верно. Мы всегда будем в безопасности – почему?

Дети, а затем и все обитатели завода тихо, раз за разом произносили как заклинание:

– Потому что в стене есть дверца, потому, что в стене есть дверца...

«Какие-то психи ненормальные» – насупилась Макс, ложась на свою постель и накрываясь одеялом.

Постепенно голоса стихли, и цех погрузился в тишину.

Девушка долго не могла уснуть, вскакивая от каждого шороха. Так страшно ей ещё никогда не было – и чудовища захватчики и странное поведение людей, которые ведут себя не то,

чтобы как психически ненормальные, но словно полностью деморализованные и потерянные. Но в принципе, их понять можно – неизвестно, что теперь предпримут пришельцы.

«Завтра пойду в город в конце то концов. Хватит откладывать. Может ещё кого встречу... И чего люди так города боятся?..»

Глава 4. Автокатастрофа

Чудовищный грохот вырвал девушку из сна. Подскочив, она увидела, что половина наружной стены цеха снесена и бульдозер сминая мебель, дробя в щепки шкафы, столы, телевизор и прочий скарб, который долго служил людям.

– Уходим, – кричали люди, убегая вглубь убежища к спасительному лазу, схватив, кто что успел – вещи, одеяла...

Среди всеобщей какофонии звуков кричащих людей, работающей техники и скрежета и грохота рушащихся стен, девушка услышала голос Дочи:

– Макс!

Голос утонул вместе со скрывающейся в соседнем цехе толпой людей.

Макс стояла как вкопанная и, спрашивала вслух, ни к кому не обращаясь:

– Зачем они всё ломают? Для чего? Видно ведь, что здесь же люди живут!

– Не анализируй, может потому и разрушают, чтобы уничтожить нас, – крикнул последний пробегающий мужчина, таща за спиной несколько матрасов и спеша выбежать из разрушаемого цеха, – бежим! Не то погибнешь!

– Ну, уж нет! – упрямо прокричала Макс, – надоело мне бегать. Пойду в город. Днём же они нас не видят!

– Как знаешь, – мужчина скрылся за дверями.

Дождавшись, когда бульдозер въедет в глубину цеха, разрушая человеческое жильё, Макс рванула в освободившийся проём наружу и понеслась по дороге, ведущей к городу.

В мире, захваченном иномирными существами, практически ничего не изменилось кроме материи. По трассе ездил обычный транспорт, только теперь он состоял из литого бежевого камня. Проскочив в каменный автобус, полный омерзительных монстров вместе с сидящими в транспорт несколькими пришельцами, девушка встала у задних дверей, чтобы её кто-нибудь ненароком не толкнул. Автобус поколесил по трассе. Макс отвернулась от противных монстров и, глядя в стеклянные окошки дверей, старалась не слышать булькающие и kloкочущие звуки пришельцев позади себя. Всматриваясь в проплывающие пейзажи, девушка с любопытством смешанным с безграничной печалью, захватывающей её всё больше и больше, наблюдала чудовищную метаморфозу окружающего мира. Автобус уже въехал в город, и привычный прямой городской мост теперь витиевато извивался, а река под ним превратилась в застывшую, неумовимо двигающуюся слюду. Макс поёжилась: «Что же параллельный мир наделал с моей красивой планетой. Всё такое теперь искусственное, не настоящее...»

Печальные мысли девушки прервал нестерпимый скрежет. Автобус сильно дёрнулся и, медленно переворачиваясь, полетел вниз. Дух захватило от головокружительного полёта. Девушка мёртвой хваткой схватилась за каменные поручни, вжавшись в двери, а мимо пролетали, кувырякая и сталкиваясь, булькая и утробно воя нелюди...

Макс очнулась на каменном плато набережной. Рядом полыхал жёлтым гудящим пламенем каменный автобус. Вокруг него бегал обгоревший мужчина и орал срывающимся голосом:

– Пом... помогите, там люди! Люди же!

Макс в оцепенении смотрела на мужчину – она узнала его – водитель монстр, который только что вёл автобус превратился в человека, и вопил, сбивая с волос сполохи пламени:

– Да помогите же им! Они ещё живые!

Макс обернулась. Крыши на автобусе не было, а в автобусных креслах среди бушующего пламени сидели жизнерадостно улыбающиеся пары – обнимаясь и радуясь счастью спасению... мамы с детьми, влюблённые, подруги, друзья... Вместо монстров сидели... люди. Какому спасению они радовались? Какому?! Они же горели! В огне их радостные лица казались чудовищным абсурдом.

Крики водителя мгновенно прервались – Макс оглянулась, но водителя больше не было рядом.

Взгляд на автобус – в утихающем пламени на сиденьях остались только часть пассажиров. Они вышли из автобуса, наперебой спрашивая Макс:

– Девушка, куда нам идти?

– Что случилось?

– Почему я ничего не помню?

– Кто я?

Макс не успела ответить.

– Идёмте, – раздался знакомый голос.

Девушка обернулась – перед ней стояла толпа её новых знакомых с завода, с которыми она прожила несколько тревожных дней.

«А говорили, что в город не ходят. Сами, вон, всей толпой притопали», – не веря своим глазам, с удивлением подумала Макс.

Доброжелательно улыбаясь, они обняли два десятка выживших счастличиков и, сбивая скользящее пламя с их волос и одежды, повели в сторону холмов, на одном из которых возвышался спасительный завод.

– Идём, Макс, – обернулся к девушке Мастер, несущий на руках плачущую девочку из автобуса.

– Идём, Макс, – улыбнулась «Актриса», проходя мимо.

– Идём, Макс, – потянула её за руку девочка с огромными синими глазами. – Скоро вечер.

– Нет, только не на завод... Я не пойду с тобой, – сначала прошептала, а затем закричала во весь голос девушка, отчего то яростно сжав кулаки, – Я не пойду с вами!.. Я не пойду с вами!..

И свет померк.

Глава 5. Возвращение

«Как болит горло, невозможно просто», – пронеслась мысль, и судорожно сглатывая и ощущая в горле посторонний предмет, девушка открыла глаза. Над ней склонилось белое облако с огромными очками. Сфокусировав зрение, она поняла, что перед ней врач.

– Не надо так дёргаться. С возвращением. Долго же ты путешествовала в глубинах комы. Теперь можешь дышать самостоятельно. Давай – глубоко вдохнула...

Врач вытащил из горла трубку и первое, что прокашлявшись, девушка сказала осипшим голосом, были слова:

– Я... знаю... кто... я...

За дверью раздался тревожный сигнал и врач, одобрительно погладив пациентку по плечу, закрытому простынёй, бросив взгляд на мерно пикающие приборы, окружавшие постель девушки, стремительно вышел в коридор.

«Кома... какая ещё кома? Может автобус взорвался? Помню, что он горел. Потом наши пошли на завод... Видимо со мной что-то случилось... Точно – взрыв... И больница... Видимо ещё остались люди не только на заводе».

Через несколько минут в палату вошла медсестра:

– С возвращением. Вашему мужу уже сообщили – он скоро приедет. Вот, выпейте пока – лекарство для горла.

– Что.. там... – хрипло, не в силах говорить, девушка показала глазами на двери.

Медсестра сжала губы, грустно покачала головой и вышла из палаты.

Через не плотно закрытую дверь донеслись крики:

– Живо готовим операционные...

Ещё через какое-то время в палату вбежал Максим. Марина с недоумением посмотрела на мужа: «Как я могла забыть о нём, живя на заводе? Люблю, люблю безумно!»

После объятий, поцелуев, насколько позволяли трубки приборов, обвивающие тело девушки, она прошептала:

– Макс, как я рада, что ты жив! Как хорошо оказаться в нормальных человеческих условиях!

– Конечно, я жив. но чуть с ума не сошёл, переживая за тебя – ты так долго была в коме... Но теперь всё позади, родная моя. Вот поправишься, поедем на юг к морю – помнишь, как мечтали?

– Какое море – всё же изменилось. Море теперь – слюда, как и вся вода. Кроме завода.

– Не понял. Мариночка, ты бредишь? Ну, да... Вода осталась такой, как и была – мокрой. Может, ты пить хочешь?

Девушка сделала глоток тёплой воды из поильника и поморщилась от боли.

– Значит, пока я была в коме, пришельцев прогнали? Они покинули землю? Мы победили?..

– Мариночка, ну какие пришельцы? Ты, наверное, ничего не помнишь?

– Почему, помню. Я была с уфологами на заводе, затем на меня упала плита и...

– И ты впала в кому. Ты перенесла очень сложную операцию. Врачи всё сделали, чтобы тебя подлатать и вернуть к жизни. Но ты спала, словно Мёртвая царевна из сказки.

– Четыре дня?

– Сорок восемь дней...

Он долго сидел у кровати жены, прижимая её ладонь к щеке, и не мигая смотрел на воскресшую любимую.

– Теперь всё у нас будет замечательно! И ты поправишься.

– Да, – улыбалась Марина, глядя любимого волнистым светлым волосам.

Вечером девушка отправила мужа домой. А ближе к ночи её перевели из реанимации в палату, где лежали ещё две женщины. Сквозь сон Марина слышала их разговор.

– Представляешь, целый автобус. Люди из пригорода ехали на работу, на учёбу, детей в детские сады, да в школы везли. Заехали на эстакаду, а водитель возьми и помри.

– Ох ты...

– Ну, так весь автобус и грохнулся на крышу с эстакады вниз. И загорелся.

– Хоть кто-то выжил?

– Говорят, двоих вытащили из огня – все поломанные, да обожжённые... Сейчас спасают их.

– Вот горе то...

– Представляешь – битком набитый автобус-то был...

– Вот ужас то...

Прошло несколько месяцев после того, как Марина вышла из комы. Кости черепа срослись, девушка начала учиться ходить и постепенно вливаться в привычное русло жизни. Наступила поздняя весна, и Марине разрешили выходить на улицу. Максим, в свободное от работы время возил жену в пригородный парк, кормить лебедей. Воскрешение своей любимой он воспринимал как чудо – редко кто выживал после подобных травм, полученных девушкой после падения на неё куска железобетонной плиты. Если бы не камни, ставшие преградой, и не давшие раздавить любимую... Максим и вспоминать об этом не хотел, отгоняя мысли. Но часто по ночам он кричал, видя один и тот же сон – летящий кусок стены завода, его испуганный окрик и Марина – словно в замедленной киноплёнке бросается на землю... спустя секунду её накрывает столб пыли...

Сама Марина, конечно же, радовалась возвращению к жизни. И каждый прожитый миг воспринимала как дар, наслаждаясь моментами текущего времени.

И, конечно же, она помнила абсолютно всё произошедшее с ней в течение тех дней, когда она жила на заводе среди людей-призраков, благоразумно не рассказывая о них в реальности никому, включая и своего горячо любимого мужа, имя которого она даже увековечила на своём плече над грациозно прыгающим леопардом.

А то, что её окружали призраки, она теперь ни сколько не сомневалась.

Но какими же они были реальными! Марина была готова поклясться, что рядом с ней были люди! Настоящие из плоти и крови. Она до сих пор помнила тёплую ладошку своей синеглазой маленькой подружки с завода... Да нет, всё было абсолютно по настоящему! Не сон какой-то и не бред – абсолютная реальность! А может, действительно произошёл какой-то нахлёт одного мира на другой, и она оказалась гостьей в параллельной реальности?

А авария? Она же явственно чувствовала жар, запах гари, видела жертвы катастрофы, которые погибли в мире людей и словно перешли в тех же телах в другой мир. Но почему не все? Почему многие исчезли? Видимо, тот учёный, который растворился в воздухе на заводе среди бела дня, узнал какую-то правду, вычислил и понял, что застрял между мирами, где... одна дверь уже закрыта, а в другой – ещё не открыта?..

Неужели по заводу бродят заблудившиеся между мирами люди? Уже уйдя из нашего мира, но не найдя дороги в другой? Так и живут, в параллельном мире, потеряв память...

И что это за странный фетишизм по отношению к дверце? Может в заклинании, которое они бесконечно твердят, есть потаённый смысл, который они не понимают? Может там говорится про спасительную дверцу, которая выпустит их из западни?

Конечно, можно было пойти к экстрасенсам, которые, непременно объяснили бы девушке невероятность произошедшего. Но Марина сразу же отмела прочь подобные мысли. Как журналист, она прекрасно знала, что практически все претенденты на звание знатоков сверхъестественного, к сожалению, на деле – простые мошенники или душевно больные. Во всяком случае, ей попадались только псевдо экстрасенсы.

А потом ей начали сниться сны о том мире, захваченном иномерными пришельцами, сниться жители завода, ведя с ней беседы. Девушка гуляла с ними по аллеям парка, смотрела, как снова и снова закапывают в тягучую землю кукол, играла с девушками и парнями в пинг-понг, бродила по дорожкам фермы... И каждый раз под конец видения жители завода обступали её плотным кругом и с печалью в голосе шептали: «Макс, идём с нами, Макс, идём с нами...», – Марина вырывалась из сна с колотящимся сердцем, с трудом понимая, где реальность, а где наваждение. И осознавала, что не помнит лиц жителей завода, словно ей тоже

стёрли память. И Дочи среди них не было. Да и не только девочки – никого из знакомых ей людей, кого она хорошо знала и которые стали почти близкими для неё за те четыре дня на заводе.

«Что происходит? Может я тоже заблудилась? Да нет, нет же... Я здесь, в реальности, в обычном нормальном мире. А сны... Это просто кошмары, не имеющие ничего общего с действительностью... Но почему я раз за разом возвращаюсь на завод? Может, я что-то должна сделать? Но что? Может быть я нужна им?.. Боже мой... кому – им?..»

Вопросы выматывали сознание Марины. Девушка не находила себе места от шквала домыслов и догадок, которые были одна невероятнее другой и со смесью страха и нетерпения ждала подходящего момента, чтобы вернуться на завод и убедиться, что с её потусторонними друзьями всё в порядке и попытаться найти хоть какие-то ответы.

Глава 6. Необъяснимое

Индустриальный город, как и положено, имел несколько крупных заводов, разбросанных на холмах. Рассвет строительства пришёлся на советские времена, и город обзавёлся десятком дымящих и отравляющих здоровье жителям города железобетонных монстров, пропускающих через себя тонны железа, угля, кокса, химии и прочего. Благодаря перестройке часть заводов прекратила своё существование, тем самым позволив жителям счастливо выдохнуть, свободно дыша. Некоторые заводы перепрофилировали, перестроили под более безопасное производство стройматериалов, бетонной продукции и так далее.

Лишь на дальнем холме, в нескольких километрах от города, остался громадный монстр – постепенно разрушающийся и ржавеющий многопрофильный химико-технологический завод, наводящий такой суеверный ужас на людей, что в нём не селились даже бомжи. И не мудрено. Те немногие, кто отваживался войти в стены завода, чаще всего пропадали без вести в его недрах, либо сходили с ума или несли всякую чушь о призраках, от чего тоже непременно получали разнообразные диагнозы душевно больных.

Время от времени по ночам в окнах давно обесточенного завода – то вспыхивал свет, то до города доносился звук то ли работающих турбин, то ли других технологических процессов, добавляя мистических страхов и слухов в городские легенды и местный фольклор.

Несмотря на дурную славу, власти города ничего не могли сделать с опасным соседством рукотворного лабиринта смерти из-за элементарного отсутствия средств и платёжеспособных покупателей.

Однажды заводом, слава о котором распростёрлась далеко за пределами области, заинтересовались Уфологи из центральной Сибири, и в город приехала группа специалистов с необходимым оборудованием.

Марина, три года проработавшая после института журналистом, с удовольствием присоединилась к группе приезжих учёных и подключилась к изысканиям, выполняя задание редакции областной газеты.

Каким счастьем светились лица уфологов, когда уже на подходе к заводу начали срабатывать их датчики. А уж когда они вошли в первый цех, стены которого были испещрены абстрактными рисунками, аппаратура просто взбесилась. Цех напоминал склад выброшенных вещей – куча мебели и матрасов, словно здесь жила огромная толпа бомжей. Но все поверхности цеха покрывал толстый слой пыли и в царившем полном запустении ощущалось, что живых людей не было здесь очень и очень давно.

Решено было разделить на три небольшие группы и разойтись по цехам, чтобы объять как можно больше изучаемого пространства – чего толпиться. В каждой группе шли по видео оператору. Марина тоже снимала видео, предвкушая – какой «забабахает» материал. Уже мелькали мысли о написании книги с сенсационными подробностями из жизни полтергейста...

В первый же день на заводе пропал видео оператор местного телевидения, неосмотрительно оторвавшийся от группы, углубившись в недра цехов. Марина хорошо знала Андрея – они часто сталкивались на разного рода мероприятиях, делая параллельные репортажи. Сотовый не отвечал, на крики он не отзывался. Решено было вызвать милицию. Но служители правопорядка над уфологами посмеялись и сказали – ищите коллегу получше, а так же – что заявление о пропавших принимают на третий день после исчезновения. Все приуныли, но на ночь на заводе остаться не рискнули, решив вернуться на другой день и продолжить поиски и изучение аномальной зоны.

На следующее утро, в свете трагических событий связанных с пропажей видео оператора, муж не отпустил Марину одну и решил сопровождать её в экспедиции по заводу. Едва исследователи прибыли в аномальную зону, Максим замешкался, закрывая машину, а на Марину обрушилась, казалось бы прочная, стена.

А потом почти два месяца небытия между жизнью и смертью... Там, на заводе среди призраков прошло всего четыре дня...

– Марина Руслановна, здравствуйте, – девушка вздрогнула.

Рядом, на скамейку присела руководитель группы уфологов Зоя Викторовна Рудакова:

– Я очень рада, что вы пошли на поправку.

– Спасибо. Я тоже рада вас видеть. Как дела на заводе?

– Продвигаемся понемногу. Вот, приехали уже в третью командировку. Зафиксирована небывалая стабильная аномальная активность...

Марина заметила, что уфолог пристально смотрит на неё:

– Что-то не так?

– Да... – видно было, что Зоя Викторовна подбирает слова, – дело в том, что во время второй экспедиции на завод... мне показалось, что вы были там... Тогда датчик зафиксировал реальное движение абсолютно материального объекта и я увидела... вас в очистном цехе. На несколько секунд я явственно увидела вас и ещё рядом с вами девочку. А потом вы растворились, исчезли как мираж и датчик затих... С тех пор меня прямо таки раздрает от любопытства, – она посмотрела прямо в глаза Марине, – вы там были.

– Нет, – спокойно ответила Марина, – конечно же, вам показалось. Между несчастным случаем и выходом из комы для меня прошёл миг.

– Я абсолютно точно знаю, что люди, впавшие в кому, живут в своей параллельной вселенной, стараясь не уходить от тела, – упрямо продолжала профессор, – ну признайтесь, хотя бы ради науки, что там, на заводе – это были вы! Ну, я же вас явственно разглядела! Вы даже были в том же красном джемпере, в котором едва не погибли!

Марина посмотрела на уфолога:

– Мы с вами прекрасно знаем, что человек может принимать желаемое за действительное. Как я могла быть там, если я живая. Вот, сижу рядом с вами в парке. Вокруг, кстати, такая благодать...

Зоя Викторовна глубоко вздохнула и уставилась на пруд, где грациозно плавали пары лебедей.

Через какое-то время уфолог снова взглянула на Марину:

– Ваше право не говорить правду... А не хотите снова попасть на завод? Я, конечно, не должна вас спрашивать о подобном. Посттравматический синдром...

– Почему бы и нет. Я даже сама хотела вас попросить взять меня с собой.

– Вот и замечательно.

Макс и слышать не хотел о просьбе жены – отвезти её на завод, но после уговоров всё же внял её просьбам и согласился. На следующее утро, хмуро сдвинув брови, Максим направил Мицубиси, с сосредоточенно сидящей рядом женой, в сторону завода.

Выйдя из машины, девушка окинула взглядом пейзаж, который в бытность её призраком был несколько иным. Теперь город вдалеке был как город, река как река. Километрах в трёх от завода, взбегая на холмы, распростёрлось городское кладбище, которое сообщество призраков называло «Парком»...

Марина шла по знакомым местам. Вот разрушенный цех, где когда-то она спала с более чем сотней бывших людей. А вот и цех, где была спасительная дверца. Но теперь дверцы не то, что не было – вместо стены зияла огромная раскуроченная строительной техникой дыра, за которой простирались резервуары, заполненные гниющими дождевыми водами. По дорожкам зала с приборами бродили сотрудники уфологического института, среди которых Марина увидела Зою Викторовну.

– Очень рада вас видеть, – слегка улыбнулась учёная, замеряя ржавую воду в одном из резервуаров.

– А зачем стены разрушили?

– Да никак не могли попасть в этот цех – словно нарочно кто-то замуровал. Ещё во время прошлой экспедиции приборы обнаружили мощный всплеск энергии. Вот и пришлось вызывать технику. Хорошо, соседнее авто предприятие пошло навстречу... Но вот на этот раз... Импульсы идут, но такие слабые. Похоже там, за стенами. Не ломать же снова... Да и не получится – там железобетонные стены...

– Зоя Викторовна!.. – раздалось раскатистое эхо по цеху откуда-то сверху, – поднимитесь! Кажется, здесь что-то есть!

Учёная бросилась в глубину цеха и поползла наверх по железной лестнице. Марина, а за ней и встревоженный муж, поспешили за учёной уфологом. Взобравшись на второй этаж заводских цехов, спутники увидели глухую кирпичную стену, в которую через несколько метров от металлических перил упиралась лестничная площадка. Двери отсутствовали – только вдоль стены готически вытянулось несколько пыльных окошек, за которыми зияла кромешная темнота.

Зоя Викторовна, уткнувшись в приборы, которые ей показывали коллеги, жизнерадостно протянула:

– Ах, как интересно... – Заглянула в одно из узких окошек и посветила сквозь пыльное стекло мощным переносным фонарём, – жаль то как, жаль, что пусто, как и во всём заводе...

– Что, окна бить будете и стены рушить? – хмуро спросила Марина.

– Что же мы, вандалы какие? На этот раз просканируем, отснимем...

В разговор вступил тщедушный верзила старичок с узкой бородкой:

– Нам ещё в прошлый раз штраф выписали за порчу частной собственности... Представляете, в суд подали. Ну, кому нужен этот старый гроб?..

У девушки отлегло от сердца. Она-то помнила, какого гомерического страху натерпелась из-за любопытства уфологов, будучи сама по ту сторону пространства.

Зоя Викторовна ещё какое-то время освещала фонарём темноту соседнего зала, скользя по остаткам каких-то механизмов и обломкам офисной мебели, разочарованно вздохнув, ото-

шла от окна и оживлённо принялась совещаться с коллегами, производя манипуляции с аппаратурой, попутно записывая что-то у себя в планшетнике.

Марина заглянула в окно и остолбенела...

Они были там...
И она их видит!..
Почему она их видит?!
И они видят её!
Видят!
И не боятся!
И не убегают!
И смотрят!

В полутёмном зале цеха в метре от окна сидел Мастер, в окружении детей, которых явно стало гораздо больше, и многих Марина не знала в лицо.

А вот и Доча. Насупившись, она глядела на Марину взглядом полным укора.

Дети сидели плотно прижавшись друг к другу, и вместе с Мастером и Дочей не мигая смотрели на девушку, хором монотонно повторяя, словно мантру:

– Потому, что в стене есть дверца... Потому, что в стене есть дверца... Потому, что в стене есть дверца...

Анапа, 2017 год

ФОТОГРАФИЯ

фантастическая повесть

ЧАСТЬ 1. ТОРГОВЕЦ МЕЧТАМИ

Глава 1. Необыкновенный подарок

– Какая же у него была профессия? Никак не вспомню.
– Бухгалтер?
– Да нет... Почему сразу – бухгалтер?
– Может, менеджер? Те часто с ума сходят.
– Вот, точно! Только не менеджер, а продавец. Нет, не продавец... торговец, да, торговец!
– И чем он торговал? – Лялька поставила на блюде допитую чашку чая.
– И не вспомню. Что-то не реальное продавал, нелепое – то, что и продать нельзя.
– Поняла – он шарлатан, что ли? Какой-нибудь новоявленный потомственный колдун, эдак в двадцатом поколении? Сейчас их много развелось. Напридумывают себе всякого потустороннего, а потом крыша едет.

– Знаешь, Лялька, я тоже сначала так подумала – странный он такой. И потом – нельзя же торговать мечтами. Вот! Вспомнила! Он был торговцем мечтами.

– Мда... Точно шарлатан. Или ещё чего хуже – мошенник, что в принципе, одно и то же...

Лялька подняла из кресла грузное тело килограмм в сто двадцать и, переваливаясь на больных, испещрённых варикозом ногах, побрела на кухню, захватив фарфоровый чайник:

– Новый заварю, ещё попьём. Эля, ты же никуда не торопишься? – Тут же донёлся из кухни голос Ляльки, словно чувствуя мой вопрошающий взгляд через стену.

– Нет, до работы ещё восемь часов. Я может, вообще у тебя переночую. Если ты, не против.

Конечно же Лялька не будет против – она же моя старшая сестра. И хотя ей уже пятьдесят и она из хрупкой девушки превратилась в огромную мадам с короткой стрижкой блондинистых волос, с полным боевым комплектом – мужем и двумя детьми, для меня она всё равно остаётся Лялькой. Сын и дочь сестры благополучно выросли, выучились, женились, обзавелись своими детьми и покинули родину – Яна умотала на ПМЖ в Чикаго, а Станислав – в Италию, так же навсегда, подальше от родной страны, чем оба очень печалили Ляльку. Муж, правда, никуда не делся, но как подобает натуре художника, вечно пребывал в творческом кризисе, и, ожидая пришествия Музы, лежал на диване в детской, глядя в потолок, а чаще – блуждая по социальным сетям в планшетнике. Временами Муза возвращалась в лице возмущённых заказчиков, напоминающих о срывающихся сроках, и он уносился в мастерскую, которая находилась на мансардном этаже этого же подъезда, и писал картины одну за другой, выдавая если не шедевры, то вполне приличные картины, радуя обеспокоенных отсутствием заказанных картин, галеристов. И когда банковские карточки взыскательного семейства пополнялись приличными суммами гонораров, глаза Ляльки начинали томно блестеть сытой поволокой, движения её становились величественней, и она отправлялась в различные круизы, путешествовать по миру, непременно навещая своих детей. И каждый раз, приезжая домой, она обнаруживала своего мужа на диване в бывшей детской, выдохшимся от фонтанирующего вдохновения и последующего беспробудного пьянства в её отсутствие. Пьянство пресекалось, Лялька ставила благоверному капельницы, дабы избавить его от белой горячки, ибо по профессии она

тоже врач, как и я. Вся её жизнь состояла из периодов – от кризиса, до кризиса. Разве можно в такой нервной обстановке работать? Лялька и не работала. Вообще никогда. Ибо быть женой талантливого художника – это уже великий труд.

Теперь был именно тот момент, когда Лялькин муж написал несколько картин, принявшись за следующую, а галеристы, выдохнув с облегчением, продали картины заказчикам, переводя на счёт семейства солидную сумму. В общем, деньги появились, и сестра пригласила меня в гости на тортик, отметить её отъезд в Италию, где у неё родился второй внук. На тортик, так на тортик. Тем более выходной, а дома пусто.

Я, как и Лялька, практически одинокая сорока семилетняя мадам. Нет, муж и сын у меня есть – всё как положено. Я построила дом, то биш квартиру, вырастила сына, посадила перед подъездом дерево. А перед этим намоталась с мужем по гарнизонам, пока он поднимался по карьерной лестнице офицера ФСБ. Сын пошёл по стопам папочки. И вот теперь уже мой возмужавший ребёнок уехал со своей молодой женой, проходить службу на краю света, в гарнизоне под Уссурийском. Муж уже несколько месяцев в Сирии, где обострились боевые действия... В общем, одно расстройство. После института я не закончила ординатуру – мужа срочно вызвали в часть на дальний восток, так и осталась с неоконченным высшим медицинским. Но всё же работала по специальности урывками, во время вечных переездов. И когда осели в родном городе – тоже было полно дел – с обучением сына, со строительством квартиры, с её обустройством и было как-то не до работы. Но вот, мои мужчины разъехались, и я от тоски прямо на стены полезла. Чтобы время быстрее шло, решила устроиться по специальности – врачом. Пошла в контору мужа, а они направили меня на закрытый объект – нашлась вакансия младшего врача в психиатрической клинике, который на деле оказался секретным научно-исследовательским центром. Заставили меня подписать множество документов о неразглашении, об ответственности, об отказе претензий и так далее, и тому подобное... Почему меня допустили до работы на сверхсекретном объекте? Наверное, оттого, что у меня была безупречная репутация, а ещё потому, что я многие годы была под колпаком у спец служб, которые, конечно же, неустанно отслеживали моральный дух офицеров ФСБ и их родных.

Вот то, что я сейчас буду рассказывать – не для слабонервных. Если вы мне не поверите – без разницы. Даже вижу, как вы у виска пальцем крутите. Ну, да и ладно. Может и хорошо, что не поверите. Я просто хочу душу отвести. Сама до конца не верю, что подобная история со мной произошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.